

А. Крылов

ЛЕГЕНДЫ ЭТРИУСА: *Ужасно милый огр*

16+

Александр Викторович Крылов

Легенды Этриуса: Ужасно милый огр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526345

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-10883-7

Аннотация

На Этриусе наступили мирные времена, но не все счастливы. Прячущийся в лесу ужасный огр вынужден отправится в путь, намереваясь поселиться на необитаемом острове, где никто его не потревожит, а несчастная прелестная пастушка сбегает из дома, так как больше не в силах терпеть тиранию мужа-владельца скотобойни и его сварливой матери, но тот разгневан и отправляется за ней в погоню. Вот только позже выяснится, что на дороге орудует банда грабителей, а на болотах скрывается убийца. Девушка в опасности, но ее попытаются спасти друзья, которые будут преследовать разгневанного мужа... Ох, что же будет дальше! Оформление обложки: Д. Железняк, Москва

Содержание

Предисловие от автора	4
Введение. Муравейник	13
Глава 1. Утро пастушки	19
Глава 2. Фантазерка	27
Глава 3. Иннокентий	34
Глава 4. Похищение	41
Глава 5. Скотобойня	47
Глава 6. Нарушенное молчание	53
Глава 7. Детство сироты	61
Глава 8. Диагноз начальника	70
Глава 9. Сын героя орков	76
Глава 10. Карта Этриуса	82
Глава 11. Клубок мыслей	88
Глава 12. Тактичность	94
Глава 13. Семейная идиллия	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Крылов

Легенды Этриуса:

Ужасно милый огр

Предисловие от автора

Следуя привычной традиции, считаю своим долгом поделиться своими размышлениями с читателями о процессе создания мира Этриуса, тем более после того, как я уже успел написать заключительную шестую книгу «Войны ларгов» и могу позволить себе раскрыть больше подробностей, являющихся основой сказочного мира, придуманного мной. Сразу хочу предупредить всех, кто проявляет интерес к моему творчеству, что я ни коим образом не желаю оскорбить чувства читателей или повлиять на чьи-либо жизненные убеждения и взгляды, но дальнейшие мои рассуждения способны привнести новизну в привычный уклад вашей жизни и даже изменить мировоззрение. Дело в том, что мне хотелось бы рассказать о духовной стороне не только моего сказочного мира, но и моем видении касаясь реального мира. Возможно, это всего лишь заблуждение, но для придуманных мной обитателей Этриуса и бога Сатира мои философские размышления являются истиной жизни.

Пока я писал «Войну ларгов» упоминание о подобном грозило бы для меня раскрытием всей интриги шести книг, ведь стоило бы мне обронить где-нибудь в самих книгах, кроме предисловий от автора, фразы о формировании личности богов, о том, что вражда народов Этриуса не что иное как предзнаменование рождения бога смерти, о том, что у бога Сатира не мог родиться сын, не достойный своего отца, о том, что коварный Анубис знал, что Куззоле предназначено стать богом смерти и он просто тайком готовил себе замену, как весь мой грандиозный замысел был бы непременно раскрыт проницательным читателем! Конечно, скрывать такое было сложной задачей, но необходимой для того, чтобы произошла настоящая кульминация, которая приподняла бы завесу тайны над различными малоприятными деталями в книгах такими как уродливость Куззолы или «недоброжелательная» деятельность Анубиса по отношению к семье Сатира и его странные беседы с юным сыном бога Этриуса. Теперь после кульминации все становится предельно ясным. Помнится, в одной из книг я информирую читателя о том, что бог смерти Анубис специально строил козни создателю Этриуса и погубил жену Сатира Габриэль, чтобы причинить ему боль. Не трудно догадаться, что уродство Куззолы тоже являлось деятельностью Анубиса и естественным ничем не примечательным формированием личности новоявленного бога смерти. Помнится, также, что я все-таки писал о пьяной и развратной молодости Сатира, но сделал это так осторож-

но, что мало кто сопоставил бы его духовный рост и успешность с «тщетными попытками» Куззолы совершить что-то действительно грандиозное, что могло бы разоблачить мой замысел. Не сомневаюсь, что практически каждого читателя удивило то, что сын Сатира пошел не по стопам отца, не желая помогать ему, а наоборот разрушая мир Этриуса, но в результате все оказалось совершенно иначе – Куззола должен был пройти тропой отчуждения и ненависти, чтобы занять место бога смерти Анубиса. Это был экзамен, и он его успешно сдал, подобно Сатиру, который в свое время переборол свое сладострастие и начал трудиться. Познавшему необходимые для духовного развития переживания и чувства сыну Сатира решительно можно было доверить такую важную и сложную задачу, как управление загробным царством Этриуса. Если бы читатели знали о том, что Куззоле предстоит занять высокий пост Анубиса, то многие события объяснились сами собой: он «прививал» каждому смертному иммунитет от низменных потребностей и злобы, убивая шаманов и друидов сам не ведая того, он искоренял магию на крошечной планете, а притесняя ту или иную расу, он создавал равенство и сплоченность! Методы Куззолы, конечно же, оставляли желать лучшего, но богам смерти виднее, как поступать, так что не нам их судить, – скорее всего, такая жестокость была наиболее оптимальным и перспективным решением в наведении порядка на Этриусе.

Что же касается моих опасений основательно повлиять на

мировоззрение читателей, то нам предстоит посмотреть на ситуацию с кровавым шествием Куззолы более глобально. Не будем спешить в рассуждениях. Для начала представим, что есть Бог и больше нет ничего. Представим, что он не имеет тела, так как трудно представить совершенное тело, но обладает совершенным разумом, и его стремления являются неоспоримыми, какими именно – нам не понять, ведь Бог совершенен, так что лучше не будем пытаться осмыслить их. Что же способны понять жалкие смертные, размышляя о вечном? Что мы знаем такого, что достойно восхищения и имеет смысл для вечности? О, это все светлые чувства, которые нас окружают – любовь, верность, доброта, честность и так далее! Это все светлые стремления – семья, дружба, созидание, рост, эволюция и так далее! Это все светлые суждения, разные слова, но смысл один – истина! Вот что имеет смысл для вечности, для Бога. Разве для вечности важны ссоры, слезы, боль, обиды, месть, зависть, жадность и другие малоприятные процессы? А является ли совершенным потребление чего-либо или то, что совершенно не нуждается в потреблении еды, топлива, не обременено какими-либо малоприятными процессами и выделением отходов? Уверен в том, что раз мы созданы, значит, мы должны стремиться к самосовершенствованию, к истине, к созиданию, должны приносить пользу окружающему миру, но стремиться к минимуму потребления энергии. Как это? Производить энергию изнутри! Понятное дело, что это долгий путь развития и мы

не должны сомневаться в том, что Бог не предоставил нам такой возможности – нет предела в развитии! Если все вокруг будет развиваться, то будет развиваться и Бог. Не волнуйтесь, нам есть куда расти и наши стремления только обрадуют нашего Создателя, ведь именно для этого он дал нам способности мыслить и испытывать различные чувства.

Так почему же Куззола нуждался в переживаниях изгоя и ненавистного всеми тирана, если в моих книгах любой бог смерти преследует светлые цели и созидает мир, как и все остальные боги? Все предельно просто.

Смертные создания несовершенны, но бывают настолько амбициозны, что, не поняв истинного смысла жизни, уже спешат доказать всему окружающему их миру, что они знают, что им нужно делать! На самом деле Бог просто проверяет нас, а именно наши слабые и сильные стороны, на прочность. Уверен, что тот, кто будет делать верные поступки и правильно мыслить в течении отведенного ему срока жизни, будет вознагражден Создателем. Что нас ждет дальше после того, как мы умрем, остается только догадываться, но, возможно, нас будет ждать другая не менее интересная жизнь или эволюция в более развитую разумную форму жизни, не нуждающуюся в физическом теле, не обремененную негативными мыслями, имеющую больше знаний об окружающем мире и о целях Создателя! Да, об этом не раз уж было сказано умственными деятелями с разных концов Земли, но я пытаюсь рассуждать самостоятельно и последовательно,

основываясь на простейшей логической цепочке.

Все равно не очень-то понятно я пишу относительно Куззолы, ведь он не смертное создание, а сын бога Сатира. Для чего же нужны отрицательные чувства и поступки, если они не имеют смысла для вечности? Попробую нарастить мою логическую цепь.

Если бы Бог не созидал, то есть не создавал ничего нового, то он бы не нуждался в отрицательных чувствах и энергиях. Он бы их просто не допустил, о чем не суждено мечтать смертным созданиям. Мы способны мыслить и поступать на свое усмотрение, но мы частенько забываем, что мы несовершенны и можем очень сильно заблуждаться – вот так и возникает зло и жестокость! Предположим, что наша планета тоже разумна, способна устранять негативные энергии, обновляться, заживлять на себе раны и созидать, но люди настолько активны, что ей наверняка тяжело. Не обязательно говорить о войне, чтобы заплакать, или идти на кладбище, чтобы стало печально, или вдруг захотелось разбить свои руки в кровь, как будто это прекратит чей-то плач по телевизору. Совсем нет. Люди так устроены, что стоит выйти рано утром на улицу дворнику и впасть в уныние от недосыпа и в бездействии наблюдать за гоняемой сильным ветром листвой, как через час его будут ругать спешащие на работу прохожие, не пытаясь понять его чувства. Не кажется ли вам, что мы просто несовершенны, но нам есть к чему стремиться? Даже не сомневайтесь, что Бог хотел бы нам помочь, но

мы сами не прислушиваемся к нему. А как, спросите вы? Так он внутри нас есть тоже, ведь изначально был лишь наш Создатель, больше никого и ничего, только Бог.

Куззола никого не желал слушать, а в целом поступал верно, верно для вечности, а не для смертных созданий. В результате получилось так, что все его поступки были оправданы богами. По моей логике получается, что для сына Сатира совершать злодеяния допустимо, а для смертных созданий нет? Именно так, ведь само понятие «смертность» информирует о несовершенстве смертного создания, а это значит ему нужно быть более осмотрительным в поступках, понимая, что за малейший проступок может быть дорогая расплата. То, что сын Сатира Куззола родился смертным, не означает, что его больше не будет окончательно и бесповоротно после смерти физического тела. Я склонен считать, что у всего живого есть первооснова, как принято говорить – душа. Правильнее было бы написать, что у нее есть тело, но в данном случае это не столь важно. Несомненно, душа Куззолы во много раз сильнее и разумней души любого ларга, орка и эльба вместе взятых. Вся сложность в том, чтобы верно и своевременно почувствовать ее мироощущение. Мне видится довольно сложной задачей четко понять свое предназначение в юном возрасте тому, кого переполняет божественная энергия, но Куззола доверял своей интуиции и справился, особенно тогда, когда он переборол себя и сдался на волю отца, хотя мог бы с легкостью уничтожить всю жизнь на Эт-

риусе!

Кстати, не хотелось бы пугать читателей, но я должен раскрыть и негативную сторону моих суждений, чтобы ни у кого не возникало странных желаний уподобиться Куззоле. Если рассуждать логично, Бог является истинным добром и совершенным разумом, поэтому я сомневаюсь, что он позволит пребывать под его опекой тем душам, которые склонны совершить скверный поступок. Представьте яркий теплый свет, отторгающий от себя мрак и холод. Сомневаюсь, что кому-то хотелось бы оказаться за его пределами, пребывая в постоянном самокопании из-за отчуждения и чувства вины за содеянное. Кто-то подумает: а если тьма объединяется воедино и ей не так уж и плохо? По сути вещей она является полной противоположностью свету, иными словами – свет есть, а тьмы нет. Если понимание этого недостаточно убедительно, что «тьмой» быть неразумно, то нужно понимать, что противоположность разума – безумие, любви – ненависть, уверенности – сомнение, а добра – зло. Как же можно будет существовать во тьме, «за пределами влияния Бога», когда в душе постепенно не останется ничего светлого? Никак, на грани жизни и смерти, ведь провинившаяся душа по-прежнему будет оставаться крошечной частицей Бога, то есть она будет продолжать свое существование в муках, а безумие и ненависть не позволят ей измениться в лучшую сторону и тем самым искупить свою вину перед своим Создателем.

В связи с этим хотелось бы заключить, что окружающий нас мир – это индивидуальное восприятие человека плодов коллективно-общественного созидания. Возможно, мы просто множество различных самостоятельных энергий, которые неким образом взаимосвязаны между собой и вращаются вокруг или внутри более сильной энергии, называемой нами планетой Земля. Однако нам гораздо привычнее и интереснее жить в наполненном разнообразия цветов, материалов, затей и загадок мире, а это величайший дар, данный нам Создателем. Мы должны понять лишь одно – Бог любит нас, и мы, несмотря ни на что, должны любить Его, все, что нас окружает и себя самих, тогда, возможно, нам откроются большие тайны мироздания.

В любом случае вы вправе придерживаться своего мнения относительно всего написанного выше и иметь определенные религиозные взгляды, а я способен со временем начать мыслить несколько иначе, не спорю, но что касается придуманного мной мира, то на Этриусе всегда будут мыслить именно так. Таково уж мировоззрение жителей этой планеты. Для них это истина жизни.

Можно еще долго рассуждать о богах и смертных придуманного мной мира, но мне хотелось бы отвлечься и предложить читателям познакомиться с другими персонажами, о которых я еще не писал ранее. Итак, отправляемся на Этриус? Вперед! Желаю вам приятного чтения!

Введение. Муравейник

На северо-востоке Ларгиндии находится небольшой тихой городок Гилбадн. Он расположен у самой границы с землями орков. Разделительной чертой между мирно соседствующими сторонами является широкое русло Безымянной реки, которая берет свое начало от океана, бурно бежит мимо Бардрена, более крупного города, расположенного южнее Гилбадна, и плавно растворяется, словно молния, в густых лесах эльбов. В последнее время благодаря этой быстрой реке почти через весь материк из северо-восточного городка частенько стали переправляться на лодках торговцы и ремесленники, что увеличило рост доходов и посещаемость в нем. Долгие годы жители Гилбадна с неохотой жаловались горделивым соседям из Бардрена на то, что их город расположен неудачно для развития его инфраструктуры, да и климатические условия в нем способен выдержать не каждый, но после того, как на берегу Безымянной реки появилась лодочная станция, горожане стали счастливы. Соленый северный ветер, до ужаса надоевший суровым жителям Гилбадна, перестал быть помехой их хорошему настроению. В городке участились празднования, на которые стали часто приезжать гости из Бардрена, Рединфорта и даже орочьей столицы Кругара. Теперь жизнь здесь бурлила ключом, но по сравнению с другими городами Ларгиндии Гилбадн по-прежнему

оставался тихим и скромным.

Однако еще до появления в нем лодочной станции нельзя было принижать степень его значимости в королевстве, как источник поставок продовольствия по всему матерiku, в особенности мяса и рыбы. С давних пор гилбаднские рыбаки и охотники славились на всю Ларгиндию, а уж подобные обширные пастбищные угодья имелись лишь на западном побережье королевства.

В настоящий момент в Гилбадне имеется два больших смешанных стада, состоящие из коз и овец, и их незаменимые пастухи – Флорентина и Марсель. Юноше приглянулись пастбища на побережье океана, а девушке – те, которые прилегают к лесному массиву на северо-западе от городка. Между собой эти двое ладят хорошо, но видятся редко. Может показаться странным, почему Флорентина выбрала себе именно эту местность для выпаса стада, ведь Марсель наверняка уступил ей право выбора. Следить за стадом безопаснее на открытой территории, расположенной между Безмянной рекой и океаном, за бушующими волнами которого многие готовы наблюдать часами, чем стоять на опушке леса и опасаться того, что придет волк и утащит первую попавшуюся ему на глаза овцу. Вот только те, кто знают необузданный и авантюрный нрав молодой пастушки, нисколько не удивятся в ее выборе, а чересчур осмотрительный Марсель ей еще и спасибо не раз скажет за такое снисхождение по отношению к нему. Только в данном случае дело вовсе не

в безопасности стада, а в скучной однообразности слежения за ним, которая вовсе не для затейливой пастушки Флорентины. Что особенного в океане для тех, кто видит его каждодневно? Его умиротворяющий шум, волнующие брызги и перебаты волн, неистово бьющиеся о берег со временем способны наскучить, начать вызывать сонливость или даже неожиданно пробудить грусть. Марселю подобные чувства испытывать по душе, так что предусмотрительная Флорентина сделала верный выбор, который устроил обоих пастухов.

Так что же может быть такого интригующего и не позволяющего скучать девушке в пастбищах у леса, кроме постоянной опасности для стада от хищников? Может быть, зайцы, резвящиеся на лугу на пышном ковре из клевера? О, здесь гораздо интереснее и появления серых пушистых комочков ждать не обязательно! Если Марселя вдруг приободрят пролетающие в небе птицы, то Флорентину никогда не разочарует их задорный грей, доносящийся из зеленых ветвей деревьев, дарующих прохладу и тень в солнечные деньки и укрывающих от сильного ветра и дождей, да и шелестят они не хуже волн океана. Помимо этого, что может быть весьма интереснее для наблюдателя, под одной из берез на опушке леса возвышается больше чем на метр от земли муравейник. Около него Флорентина проводит очень много времени, конечно же, не забывая приглядывать и за стадом, хотя трудолюбивые и высокоорганизованные насекомые интересуют ее

больше вверенных под ее ответственность коз и овец. Ценители природы не смогут не согласиться с тем, что наблюдать за жизнью муравейника гораздо интереснее, чем за летающими с цветка на цветок пчелами, шмелями и разными бабочками, которые своей красотой способны приворожить к себе взоры любой девушки. Самое главное процесс наблюдения за лесными муравьями при объединении богатой фантазии Флорентины и знаний о насекомых, приобретенных ей из прочитанных книг, легко превратить в незабываемое приключение и путешествие в микромир Этриуса. Если знать о том, как протекает жизнь этих крошечных умных и трудолюбивых существ, то это покажется не менее занимательным зрелищем, чем наблюдение за жизнью города. В это не поверишь, пока не убедишься сам.

Численность обитателей такого большого муравейника, за жизнью которого наблюдает Флорентина, насчитывает порядком несколько сотен тысяч особей. Как и в других колониях, самой большой кастой являются рабочие. Сначала своей карьеры они работают няньками, ухаживая и кормя расплод. После чего спустя некоторое время им доверяют участвовать в строительстве и ремонте коммуникаций и помещений, в возведении новых этажей и сооружении погружных тоннелей. Самые старые и опытные рабочие становятся фуражирами. Они отправляются в окрестности владений колонии за едой и строительными материалами. Также все рабочие обязаны защищать муравейник от всех, кто осмелится

создать угрозу безопасности для него – такими смельчаками может оказаться, кто угодно, не только другие насекомые, но и ящерицы, лягушки, мыши-полевки и даже птицы. Рабочим или солдатам, более крупным особям, есть что продемонстрировать в бою помимо невероятной силы, ведь прокусить гусеницу мощными мандибулами или перевернуть жука, который окажется гораздо крупнее, им не составит труда. На случай нападения птицы или ящерицы они имеют ядовитую железу, способную выпрыскивать кислоту на ладонь в высоту, так что даже случайное посягательство на спокойный уклад жизни колонии может обернуться неминуемой гибелью для врага. Муравьи не страшатся войны и всегда готовы дать отпор или напасть первыми.

Еще интереснее наблюдать за царицами и царями колонии. Они имеют крылья. В самое жаркое время года в муравейнике наступает брачный период, когда почтенные пары совершают воздушные полеты, последствия которых являются радостными и печальными одновременно – царицы смогут приносить потомство колонии, но если они пожелают остаться в ней, то им предстоит отгрызть свои крылья, а цари вскоре после полета умирают, обессилев. Не легкая доля у монарших самцов – срок их жизни длится около двух недель, в то время как их возлюбленные имеют возможность приносить потомство ближайшие двадцать пять лет или основать новую колонию, если им что-то не понравится в прежней. Рабочие или солдаты, в свою очередь, служат своей госпоже

или сразу несколькими в период от пары месяцев до трех лет. Кушают муравьи не только всех поверженных ими нарушителей границы или нектар и сок растений, что еще более интересно. Эти мудрые насекомые освоили «животноводство» и пасут тлю, как Флорентина свое стадо. Рабочие, которым доверена эта важная работа щекочут своими усиками и выдаивают из них падь – сладкую жидкость, которая составляет для колонии основную часть рациона. Еще из книг Флорентине известно, что муравьи выращивают грибы, но этому у нее нет подтверждений, как и многим другим интересным фактам об умных и трудолюбивых насекомых, так впечатливших своей сплоченностью девушку. К тому же муравьи близки ей по духу тем, что так же, как и она, пасут свое, пусть и маленькое, но стадо.

Таких потрясающих маленьких королевств в лесах Ларгиндии имеется предостаточно, а одно из них находится в непосредственном владении жительницы Гилбадна Флорентины, так как расположено на окраине ее пастбища. Несмотря на это пастушка не смеет претендовать на трон и не намерена свергать с него царицу муравьев. Она всего лишь скромный наблюдатель, старающийся не вмешиваться в уклад жизни насекомых, но всегда готова им помочь, если от нее потребуется что-либо подобное.

Глава 1. Утро пастушки

Каждый новый день Флорентины начинается практически одинаково. Она просыпается с первыми криками петухов и осторожно одевается, стараясь не разбудить своего молодого, но вечно пьяного мужа Антонио, любителя тратить деньги покойного отца на выпивку и другие не менее бессмысленные развлечения. На цыпочках она выходит из комнаты и в коридоре обычно натывается на его старую ворчливую мать, с которой у нее отношения складываются, мягко выражаясь, недружелюбно, поэтому Флорентина молча выслушивает грубости и нападки с ее стороны, не желая разбудить все того же себялюбивого Антонио.

Выходя на улицу из дома, девушка начинает ощущать себя более свободной и легкой походкой направляется в сад к бочке с дождевой водой и проделывает обычные процедуры гигиены. Затем она берет свою зубную метелку, деревянную палочку с пучком щетины, и аккуратно чистит зубы. Флорентина ненавидит своего мужа за то, что он не только вечно пьян, но и за, что тот не следит за чистотой своего рта, поэтому очень дорожит своей белоснежной улыбкой. Ей особенно неприятно видеть неухоженные пожелтевшие зубы и ощущать неприятный запах от дыхания мужа, не говоря уж о том, чтобы целоваться с ним, но Антонио будто умышленно не хочет замечать ее намеков, которые жена делает ему

ежедневно. Флорентина часто улыбается, о чем знает весь Гилбадн, но и говорит поговорку, вычитанную из какой-то мудрой книги, которую от нее слышит только муж. Она звучит: «если хочешь изменить мир, изменись сам», но Антонио, скорее всего, даже не задумывается над ее смыслом. Флорентина настолько жизнерадостная, что семейные обиды оставляет дома и мало кто из горожан догадывается о них, зная девушку как счастливую жену бездельника Антонио.

И смех, и грех. Что именно говорит Флорентине свекровь и как беспечно ведет себя муж описывать не обязательно, во всяком случае, исходя из лучших побуждений в отношении очаровательной пастушки, желательно упустить подобные неприятные подробности, ведь в ходе дальнейших событий более-менее картина прояснится. Хотя хотелось бы сразу отметить, чтобы не возвращаться к этой неприятной теме позже, что быть женой этого влиятельного жителя Гилбадна стало тяжелым испытанием для этой очаровательной и рассудительной девушки, что и послужило одной из причин, возникновения всей этой интересной и поучительной истории. В целом не важно, что именно говорит и делает свекровь, важно, что она ввергла Флорентину в тиранию и мучает ее, а Антонио соблюдает не только нейтралитет, но и не верит жене, требуя от нее заботу и внимание к своей персоне. Бедная девушка! Если кому-нибудь из ее соседей рассказать, ведь не поверит никто, что на Этриусе кто-то живет такой несчастной жизнью! Возможно, на какой-нибудь дру-

гой планете такое отношение друг к другу в семьях и считается приемлемым, но не на планете Сатира. Однако такое поведение жены владельца скотобойни некоторые семейные ларги расценили бы как безрассудство, не пытаясь, как следует, вникнуть в суть происходящего. Дело в том, что сварливая свекровь и себялюбивый муж – это частое явление и в этом нет ничего необычного, а вот жена, которая боится сказать им хоть слово – это странно. Почему она такая робкая? Конечно, Флорентина не трусиха, да и не королева, но подобного отношения к себе на Этриусе не потерпела бы даже деревенская простушка и сразу же собрала бы вещи и ушла из чуждого ей дома. Правильно, себя надо уважать и не сидеть, как трусливый кролик, поджав уши. Допустим, простушка Флорентина тоже решится на такой отчаянный шаг, снимет комнату в гостевом доме или бесплатно заночует в фермерском сарае на соломе, но долго от мужа скрываться она не сможет. Такой поступок закончится скандалом и возникнет вероятность расторжения семейных уз. Что делать дальше? Оказаться на улице девушка не хотела, но терпеть грубое и унижительное к себе отношение тоже становилось невозможным. Оставалось надеяться, что отношение мужа и его матери к ней переменится. Кулаки не распускают – и ладно! Вечно же такое издевательство продолжаться не должно, верно? Надежда умирает последней.

Вот только страшнее всего то, что дальнейшее утро несчастной девушки тоже не отличается ничем особенным.

Ее дни скучны и однообразны, но она все же старается находить в них что-то приятное, например, каждодневный поход на ферму. Разве это не чудесно сбежать из ненавистного дома на целый день, посвятить его чему-то, отвлекающему от печалей – пастушеское стадо и размышляя о жизни, почувствовать себя значимым в этом мире или придумать свой собственный мир, наблюдая за муравьями! Новый день – время открытий.

Поспешно заскочив в дом, пастушка, сворачивает себе узелок с едой и отправляется в путь. Встретаться с мужем и его матерью лишней раз она не горит желанием. Улыбаясь всем встречным, Флорентина идет по улицам на окраину городка к животноводческой ферме, где управляющий в обязательном порядке пересчитав стадо вверит его ей. Иногда девушка опаздывает из-за того, что по пути встречает свою подружку Маргариту, с которой она беззаботно болтает, забывая о своей работе, после чего управляющий фермы, чтобы не томить жаждущих свободы коз и овец в загонах, ругает пастушку вдогонку, когда она уже гонит стадо по дороге по направлению к пастбищу. Видимо так же произойдет и в этот день.

– Доброе утро, Тина! – поприветствовала Маргарита, сразу же заметив свою подружку, как только та выскочила из-за угла дома.

– Доброе утро, солнышко мое! – подскочив к ней и крепко обняв, заявила Флорентина, чуть не оглушив девушку своим

звонким голосом, – Что нового?

– У меня все по-прежнему. Иду сидеть с малышом Роро. Надеюсь, он будет сегодня послушным мальчиком, – отшагнув назад призналась Маргарита, но не равнодушно удерживая подругу за руку, – Лучше расскажи мне как у тебя дела дома? Я переживаю.

– Ничего особенного. Пришел, гремел, разбудил меня, завалился спать, но я так сильно устала за день, что сразу же уснула.

– Тебе нужно бежать от них подальше, дорогая моя! Срочно, – настоятельно порекомендовала Маргарита и потрясла подругу за руку, словно попыталась разбудить ее.

– Куда? Куда я от них денусь, – тяжело вздохнув ответила Флорентина, – Он найдет меня и устроит пьяный дебош, а старуха поднимет скандал, что стыда не оберешься. Нет, до конца дней мне жить с ними и быть им обязанной.

Такой настрой пастушки не очень обнадежил молодую няню, и она решила приободрить ее песней, слова которой знала в Ларгиндии каждая незамужняя девушка:

Как же хорошо быть столичной красоткой!

Им в Рединфорте от женихов нет отбоя.

Когда идешь по площади легкой походкой,

То хочешь видеть рядом с собой героя.

Флорентина с улыбкой дослушала ее и пропела второй куплет песни:

Как же хорошо быть столичным красавцем!
В Рединфорте женской лаской никто не обделен.
Оказаться бы с любимым красавцем во дворце,
Я бы стала ему лучшей из возможных жен.

– Пойми меня правильно, милая овечка, – с усмешкой начала Маргарита, заметив, как порозовели щеки у умолкшей пастушки, – Пусть управляющий фермой напишет тебе рекомендацию! Не переживай он найдет тебе замену. Мы здесь и без тебя управимся с твоим стадом, но тебе нужно уезжать из города от этих волков, ведь они не ровен час загрызут тебя! Ты уже пробовала бодать их как козочка, а теперь молчишь, как овечка, разве это помогает? Беги от них!

– Да пойми же, что никому я не нужна кроме тебя, некому за меня заступиться, родная моя, – вырвав руку и закрыв часть лица руками, всхлипнула Флорентина. Она была готова разреветься, но уже давно выплакала все слезы.

– Как же мне тебе помочь, – с досадой прошептала нянечка и прильнув к подруге нежно обняла ее.

– Ты уже мне помогаешь, Рита. Спасибо, – поцеловала ее в щеку Флорентина, – Лучше выбери себе достойного мужа, а не такого бездельника и пьяницу, какой достался мне, тогда я буду по-настоящему счастлива.

– Это не проблема для такой красотки, как я. Еще успею. Сейчас нам важнее спасти тебя из лап этого Антонио и его

мамаша, ведь ты гораздо лучше меня и заслуживаешь настоящего принца. Выбирай первая. Я не хочу увести твоего жениха! – отшутилась Маргарита.

– Да зачем он мне! С меня хватило бы и простого порядочного мужика, а принца забирай ты.

– Перестань! Ты же знаешь, кто мне нравится, но я не собираюсь выходить замуж, пока не отдам тебя в надежные руки, милая овечка!

– Неужели ты ждешь, когда подрастет Роро?

– Я над этим подумаю, – засмеялась Маргарита, – Кстати, нам пора расходится, а то он без меня еще и ложку держать не может, а он скоро проснется и потребует кашу.

– Да, управляющий скоро не выдержит терпеть мои опоздания и спустит с меня три шкуры! – согласилась Флорентина, порываясь уйти.

– Вот и хорошо бы! Может быть, под овечьей шкурой скрывается тигрица? – иронично предположила ее подруга и с неохотой отступая в сторону, помахала ей на прощанье рукой.

– Еще увидимся, – кивнула пастушка и решительно пошла дальше. Флорентине нужно было поторопиться, так как ее работа была более ответственной, чем у Маргариты, поэтому ей следовало быть посерьезнее и не тратить драгоценное время на пустую болтовню. Она быстро зашагала по брусчатой дороге, плавно перетекающей между одноэтажными жилыми домами с пологой горки в низину. Позади остались

ухоженные каменные и кирпичные дома, а впереди длинной вереницей растянулась деревня, слившаяся совсем недавно с городком, став его частью. Здесь стояли скромные деревянные избушки, хозяева которых содержали много скота и небольшие огородики, предпочитая жить за счет ведения домашнего хозяйства. Идти стало труднее, так как под ногами то и дело мельтешили гуси или куры, но Флорентина была слишком близка к своей цели, так как сразу за деревней и располагалась животноводческая ферма, к которой вела широкая пыльная дорога.

Кстати, неподалеку чуть дальше нее ближе к городскому кладбищу стояло еще несколько небольших кирпичных построек, которые принадлежали мужу пастушки Антонио. Это была скотобойня, доставшаяся ему от покойного отца. Флорентина с ужасом представляла то, чем там занимаются работники этого жуткого места, поэтому старалась даже не смотреть в направлении владений своего мужа.

Глава 2. Фантазерка

Пройдя по свежескошенной траве вдоль пыльной дороги, сохранив обувь чистой, Флорентина открыла одну из тяжелых дубовых створ ворот и вошла в большое крытое здание для содержания коз и овец. Внутри у самого входа ее уже поджидал управляющий фермы, коренастый лысоватый ларг с аккуратной бородкой и добрыми глазами, но он сразу же нахмурился, увидев опоздавшую на работу пастушку.

– Извините меня, Джорджио, я снова провинилась перед вами! Только не ругайтесь, – тревожно сказала Флорентина, – Здравствуйте.

– Это ты овцам говори, а не мне, – ответил управляющий фермой.

– Ну не сердитесь. Я спешила, как могла, – развела руками девушка, – Не знаю, почему я все время опаздываю.

– Да, да. Доброе утро, – иронично спародировав ее действия, лысоватый ларг развернулся и пошел между загонами, попутно открывая их калитки и выпуская коз и овец, – Хватай стимул и вперед! Я всех твоих подопечных уже пересчитал.

Флорентина обернулась и отшагнула к стене, к которой были приставлены несколько лопат, заостренных палок и дюжина прутьев различной длины. Выбрав из них самый

длинный и гибкий атрибут для погона скота, пастушка приготовилась встречать бегущую в ее сторону вереницу коз и овец. Когда все ее подопечные сбились перед ней в шумную BLEЮЩУЮ кучу, она с силой распахнула второй створ и вынужденно отшатнулась назад от рвущихся на свободу животных. После того как все стадо покинуло здание, Флорентина помахала свободной рукой управляющему и пошла замыкающей шествие.

– Идите, идите! Я закрою! – крикнул пастушке лысоватый ларг, скорее всего, пытаясь дать ей понять, что он просто ворчит, а не сердится на нее, ведь до их возвращения закрывать ворота не имело смысла.

С милой улыбкой на лице Флорентина обернулась впол оборота, послала ему воздушный поцелуй и снова помахала рукой. Девушка и ее подопечные быстро удалялись в направлении пастбища.

– Ну что же мне с тобой делать, деточка, как тебе помочь? Я вижу, что ты стараешься, но тебе тяжело, а еще и я ворчу на тебя, – смотря им вслед, вздохнув, прошептал ларг и смахнул со щеки единственную слезу.

Джорджио всегда очень жалел Флорентину, зная о ее нелегкой судьбе, но у него никаких сомнений нет в том, что ее следует воспитывать в строгости, иначе она впадет в детство, которого так и не познала, и с ней будет уже невозможно совладать. Однако быть строгим по отношению к Флорентине управляющий оказался не способен. Единственное,

на что его хватает – это ворчание, да и то кратковременное. Несчастливая пастушка для него словно родная дочь. Пусть девушка делает, что ей хочется, а дальше – будь, что будет. Главное, чтобы она как можно дольше не догадывалась о том, как на самом деле к ней относится этот лысоватый ларг, хотя обстоятельства подсказывают Джорджио, что в ближайшем будущем ему предстоит открыть ей свои истинные чувства. Он не имеет детей, а возраст дает о себе знать, поэтому самое лучшее, что приходит ему на ум – завещать Флорентине животноводческую ферму Гилбадна, но об этом еще рановато думать. Помирать Джорджио еще не собирался.

Пастушка догадывалась о чувствах, испытываемых по отношению к ней лысоватым ларгом. Еще, для нее не было секретом, что за всей этой напыщенной суровостью и робкой назидательностью скрывалась безграничная доброта, проявляющаяся по отношению ко всем окружающим, но к Флорентине как-то по-особенному, именно поэтому она позволяла себе опоздания на работу и другие подобные вольности. Вот только девушка никогда не позволяла себе потешаться над чувствами Джорджио, который порой выглядел перед ней растерянно и комично, так как при внимательном наблюдении за ним, не трудно было бы заметить печаль, таившуюся в глубине его глаз и в задумчивости, в которую он впадал время от времени, особенно в перерывах между работой. Ничего о прежней жизни управляющего фермой Флорентине не было известно, а она не решалась его об этом спра-

шивать, чувствуя, что рассказ окажется малоприятным, даже если и состоится. О себе ей ничего никому не хотелось говорить, так что незачем было и других расспрашивать. Так что разговоры между Флорентиной и Джорджио ограничились лишь деловым общением, что им обоим приходилось не по нраву, ведь лысоватый ларг испытывал отеческие чувства по отношению к девушке, а ее распирало желание узнать причины его печали и одиночества. Не правда ли, странно, что такой добродушный, обеспеченный и уважаемый ларг не имеет своей семьи? Да уж, на первый взгляд на Этриусе вроде бы наступили счастливые времена, а в одном только Гилбадне безо всяких поисков уже обнаружено двое несчастных жителей – пастушка и ее работодатель. Не мудрено, если они родственные души и тянутся друг к другу.

Дождавшись, когда пастушка и стадо скрылись за горизонтом, Джорджио пошел заниматься другими делами, которых на ферме всегда хватает невпроворот, ведь здесь держат не только коз и овец. В меньших количествах здесь есть свиньи, кролики, куры и гуси. В одиночку такое обширное хозяйство содержать невозможно. В подчинении у управляющего есть две доярки, которые приходят раньше пастухов и никогда не опаздывают, а к полудню приходят трое разнорабочих и освобождаются только поздно вечером. Что же касается Флорентины и Марсея, то они выгуливают стада до вечера и должны привести их обратно к строго отведенному времени на дойку, после чего животных загоняют в хлева и

закрывают до утра.

Солнце только успело выйти из-за леса, а это означает, что Флорентине предстоит коротать время на пастбище до позднего вечера, когда светило устало ляжет на кроны деревьев. Практически весь день она будет следить за тем, чтобы козы и овцы не разбрелись по лугу и не приближались слишком близко к опушке леса. В целом, девушка привыкла к такому образу жизни и почти не испытывала никаких опасений по поводу угрозы жизням себя и вверенного ей стада. Иногда у Флорентины возникали желания завести собаку так же, как и Марсель, но она не думала, что от нее будет какая-то особая польза. Вот будет она спать постоянно в тенишке и ухом не поведет, если случится что-то плохое. Попробуй угадай: будет ли собака верным помощником и другом или только есть и спать будет? Пастушка испытывала только нехватку общения и других развлечений, способных ускорить время, однако торопить его у нее не было желания, так как ей больше всего не хотелось возвращаться в дом Антонио, где она себя не чувствовала, как дома. В силу веселого нрава Флорентины, ее даже немного забавляла такая ирония судьбы и бессмысленная рутина, в которую превратилась ее жизнь. Каждый новый день с утра до вечера она, используя всю свою фантазию, придумывала себе различные развлечения, чтобы разнообразить свое безделье. Здесь на этом лугу Флорентина могла представлять себя лесной феей, петь вместе с птицами или помогать муравьям, а вечером должна была возвра-

щаться туда, где она себя чувствовала пришибленной овцой, которой даже блеять не разрешено.

Придя на пастбище пастушка, оставила узелок и стимул под одной из берез, раскинула руки в стороны и запрокинув голову вверх, и закружилась словно в танце на балу. Представляла ли она своим партнером теплый легкий ветер, она и сама не знала, но такое ребячество позволяло отбросить грустные мысли и приободриться. Как обычно, нахлынули разные фантазии. Еще бы, ведь рабочий день начался! Не терпелось поскорее проверить как обстоят дела у муравьев. Вот только птицы почему-то притихли и Флорентина решила сама спеть им что-нибудь, но не успела она открыть рот, как услышала хруст веток за ближайшими деревьями. Девушка встревоженно замерла и всмотрелась в густую листву туда, откуда до нее донесся шум. Полбеда, если бы к пастушке из лесу вышел волк, такое уже однажды случилось, и ей удалось его прогнать, но на этот раз она увидело то, что ее заставило поспешно протереть свои глаза. Нет, зрение не подвело ее! Флорентина в ужасе закричала и попятилась назад. Поначалу среди листвы она увидела большой широкий глаз, который пристально смотрел на нее и даже несколько раз моргнул, но, когда на опушку вышел громадный циклоп с обнаженным торсом, одетый в штаны из сыромятной кожи. Он был крупнее и выше крепкого орка, а на его лице над носом по центру располагался единственный глаз. Флорентина знала о том, что в сказках могут встречаться такие персона-

жи, но не могла поверить, что увидит одного из них в жизни. Пастушка вообще не представляла, что ей делать. Теперь, когда девушка удостоверилась в существовании циклопов, она по-прежнему не знала, как себя вести при их появлении и вообще умеют ли они разговаривать! Вот только сейчас это проверить Флорентина не могла, так как не могла сообразить ничего вразумительного, чтобы обратиться к циклопу. Неистово крича, она продолжала пятиться назад, но уже на корточках, откинувшись на локти. Неужто Флорентина так увлеклась фантазиями, что сошла с ума?

Глава 3. Иннокентий

Ближе к полудню в своей мягкой двуспальной кровати проснулся Антонио и по своему обыкновению выругался. На кого именно он и сам не понял – то ли на Флорентину, то ли на головную боль, то ли на нежелание что-либо делать, а возможно, он был не доволен тем, что вообще проснулся. Протерев сонные глаза и сладострастно потянувшись на кровати Антонио встал и неторопливо подошел к окну, перед которым стоял столик с стеклянным графином, наполненным до половины водой. Жадно выпив все содержимое прямо из горлышка сосуда, он поставил его обратно на стол. Почувствовав себя гораздо лучше, парень вышел из дома на улицу, чтобы подышать свежим воздухом и окончательно привести себя в порядок. Именно парень, потому что называть Антонио юношей или мужчиной, учитывая то, что он уже женат и имеет хороший денежный доход от скотобойни, но живет беззаботной жизнью, было бы заблуждением. Если бы жители Гилбадна знали больше подробностей о жизни мужа Флорентины, то ни у кого из них язык бы не повернулся назвать его мужчиной, а уж тем более юношей, чего нельзя было сказать о его друге Иннокентии, с которым в этот день как раз и намеревался посидеть в трактире Антонио, прежде чем показаться на скотобойне.

Эти двое дружили со школьного возраста и никогда не

ссорились благодаря спокойному и взвешенному характеру Иннокентия, являющемуся полной противоположностью Антонио, возможно даже, что будущий владелец скотобойни это понимал и завидовал ему. Им обоим с детства нравилась Флорентина, но больше шансов завладеть ее сердцем было у того, в чьем доме она жила. Время было к Иннокентию неблагосклонно, так как он надеялся заслужить взаимность девушки в более зрелом возрасте и ждал, когда они повзрелеют, в то время как Антонио использовал незавидное положение сироты Флорентины, которую приютил его отец. Будущий муж девушки долгие годы уделял ей знаки внимания, даже часто заботился о ней, когда ему этого хотелось самому, что не оставило шансов на выбор бедной сиротке. Уже в последствии она поймет, что Антонио испытывал к ней только корыстный интерес, а не любил ее, а она, считая себя обязанной ему и его отцу, совершила опрометчивый поступок. Это понимал и Иннокентий, искренне надеявшийся на то, что так называемый любовный союз Флорентины и Антонио не будет долговечным, не сомневаясь в том, что у этой пары нет ни капли любви друг к другу. Не желая искать себе новую избранницу, Иннокентий был вынужден взять кисть и краски в руки, чтобы выплескивать клокотавшие в нем различные чувства, тем более любовь к живописи в нем проснулась раньше, чем к Флорентине. Так его хобби переросло в призвание, ставшее еще и хорошим заработком.

Когда Антонио пришел в трактир, Иннокентий уже его до-

жидался, успев заказать для себя кружку с квасом, а другу – со светлым холодным пивом. Он совершенно не ошибся в выборе напитков, особенно для такого любителя горячительных напитков, как владелец скотобойни Антонио. Сам же Иннокентий предпочитал пить жидкости, не содержащие алкоголь и другие вредные для организма вещества, по той простой причине, что после них не трясутся руки и не болит голова, что для художника очень важно.

– Как дела, Кент? – подсаживаясь за столик к другу и на ходу пожав ему руку, сказал Антонио, после чего в несколько больших глотков ополовинил содержимое своей кружки.

– Все хорошо. Работаю над новой картиной, – спокойно ответил Иннокентий.

– А со старой что? – усмехнулся его приятель.

– Ее я закончил и уже нашел покупателя. Один орк из Кругара с большим удовольствием купит мой кровавый закат. Он заберет работу на днях, когда снова вернется в Гилбадн. Кстати, я тебе об этом уже говорил позавчера.

– О, неплохо! А сейчас что ты рисуешь?

– Сейчас я рисую милую девушку, которая сидит на лугу под березой и пасет стадо овец. Солнечный денек. В небе ни одной тучки. Лишь птицы парят в синеве. Будет красиво.

– Хм. Уж не мою ли женушку ты взялся ваять, Кент? – почесав затылок и посмотрев в глаза другу, поинтересовался Антонио.

– Для меня это не столь важно. Красивая задумка, – по-

яснил художник.

– Пожалуй я куплю ее у тебя!

– Извини, дружище, но это задумка управляющего фермой Джорджио. Собственно, он и попросил меня ее воспроизвести на холсте.

– Вот проныра! Зачем она ему?

– Возможно, он просто любит природу. Не переживай, следующую картину я с радостью нарисую для тебя. Что ты хочешь на ней увидеть?

– А тоже самое нельзя изобразить?

– Конечно, можно. Это даже легче, но если ты хочешь, чтобы они оказались идентичной точности, то мне придется попридержать картину Джорджио до тех пор, пока я не нарисую твою.

– Какие сложности! Этак он потребует с меня денег за задержку товара.

– Он не конфликтный мужик. Думаю, подождет недельку – другую.

– Да ну! Я просто так сказал. Зачем мне вообще картины, когда у меня друг художник? – засмеялся Антонио.

– Логично, – согласился Иннокентий.

– Вот только я одного не могу понять зачем этому Джорджио понадобилась моя жена? Уж не на небо, лес и овец он собрался любоваться точно!

– Ты мнителен, мой друг, но даже если прообразом для

пастушки послужила Флорентина, а она действительно пастушка, то это совершенно не важно для творческого замысла произведения. Было бы странным если бы Джорджио хотел видеть на картине Марсея и его собаку, нежели прелестную девушку. Ты должен гордиться красотой своей жены, а не ревновать ее к тому, кто считает ее прообраз достойным послужить искусству.

– Не совсем понимаю тебя, может быть, ты и прав, но я абсолютно не одобряю наклонностей Джорджио! Лучше бы он любовался свиньями и гусями на своей ферме, чем чужими женами!

– Да забудь ты о нем. Как у вас с Флорой? Ты позавчера жаловался на то, что она тебя не понимает и избегает.

– Она совсем меня не любит! Я ей давно сказал, чтобы она не работала у этого Джорджио, о котором ты хочешь, чтобы я забыл. У нас достаточно денег, чтобы она могла себе позволить спокойно дожидаться меня дома у окна.

– Не все же зависит от денег. Возможно, есть другие обстоятельства, влияющие на ее поведение. Ты кажется как-то говорил, что твоя мать и Флора не ладят между собой? Поговори с ними об этом.

– Они говорят, что все хорошо.

– Ну вероятно твоя жена избегает конфликтов. Ты кажется как-то говорил, что Флора раньше ругалась с тобой, а теперь молчит. Вспомни, что она тебе говорила.

– Она говорила, что моя мать ее ненавидит! Это бред! Вот

настоящая мнительность. С чего бы ей ненавидеть Флорентину?

– Разве они при тебе не ругаются?

– Раньше ругались. Все началось сразу же после того, как умер мой отец.

– Значит, твоя жена боится сказать тебе то, что твоя мать ее ненавидит, а твоя мать за что-то ее действительно ненавидит. Что могло произойти после смерти твоего отца? Может, ты начал пить, и твоя мать винит Флору? – пытаюсь разобраться в семейных проблемах друга, рассуждал Иннокентий.

– Я начал пить, потому что они начали ругаться и потому что Флора не хочет появляться дома! Скорее всего, жена мне изменяет, а моя мать об этом догадывается. У нее наверняка есть какие-то доказательства измен, – опустошив кружку пива, заявил Антонио.

– Перестань. Флора не такая, – засомневался Иннокентий.

– Такая, такая, Кент. Я даже начинаю догадываться с кем она мне изменяет, – настаивал приятель.

– С Джорджио? – предположил художник, тоже допив содержимое своей кружки.

– С ним, с ним, друг мой, – согласился Антонио.

– Не сходи с ума! Флорентина верная девушка. Она ни за что не предаст. Лучше бы я не говорил тебе про заказчика картины, – засомневался Кент.

– Нет, ты все правильно сделал. Предупрежден, значит во-

оружен. А теперь мне пора идти на скотобойню. Увидимся как обычно, – протянул ему руку Антонио.

– Смотри. Не делай глупостей. Все будет хорошо, – предупредил его приятель и пожал его руку.

Владелец скотобойни вылез из-за стола и поспешно вышел из трактира, а художник остался сидеть в раздумье на прежнем месте. После этого разговора на душе у Иннокентия остался неприятный осадок, какое-то чувство вины перед Флорентиной, но он понимал, что ни в чем перед ней ни виноват. Суть семейной проблемы Антонио в большей степени заключалась в его нежелании здраво смотреть на вещи, в его мнительности и пьянстве, в том, что он не желал вообще решать эту проблему, пустив ее на самотек. В данном случае, пьянство – это слабохарактерность, а мнительность – это его последствия. Иннокентий понимал, что для решения своей семейной проблемы, Антонио должен завязать гробить свое здоровье и душевно поговорить с Флорентиной обо всем, что не устраивает его и ее, но говорить мнительному и слабохарактерному владельцу скотобойни это не имело смысла. Во-первых, Иннокентий будет только рад расторжению любовных уз Флоры и Антонио, во-вторых упрямого неудачника-семьянина не переубедить, а в-третьих, друг художника должен наконец-то самостоятельно стать мужчиной, бросить пить и, хотя бы попытаться решить свою проблему.

Глава 4. Похищение

Циклоп надвигался на бедную пастушку. От страха Флорентина зажмурила глаза и, повалившись на спину, закрыла лицо руками. Она перестала кричать, в надежде, что это невиданное чудовище, ей почудилось, но когда она ощутила прикосновение его рук к своему телу, то начала брыкаться ногами и кричать вновь. Сопротивление и ор оказались неспособными остановить циклопа. Его пальцы скользнули по ребрам Флорентины, а через мгновение он нежно сдвинул их руками и с легкостью оторвал девушку от земли. Она открыла глаза, что позволило ей полноценно ощутить свое перемещение на плечо циклопа. Удерживая на уровне могучей груди одной рукой Флорентину за бедра, чтобы не уронить пленницу, он понес ее в лес.

Нет, определенно, это двуногое и одноглазое чудовище разумно и если бы оно хотело просто сожрать пастушку, то непременно сделало бы это прямо на поляне, никуда не таская свою добычу, ведь поблизости бродили только испуганные овцы. Жаль, что оно не заинтересовано в том, чтобы поест. Флорентина с радостью отдала бы ему несколько овец из стада, лишь бы оно ушло обратно в лес и не трогало ее. Все же с похитителем нужно было как-то поговорить и выяснить, что ему понадобилось от жены владельца скотобойни, раз он разумен.

– Немедленно отпусти меня! Меня будут искать! – грозно возмутилась она, но вскоре поняла, что невиданное чудовище ее не отпустит, никого не боится и возможно, даже не умеет говорить. Чтобы в этом удостовериться окончательно, девушка перестала кричать и попыталась добиться своего силой. Флорентина упорно пыталась укусить чудовище за мышцы на спине, но у нее не получалось. Тогда она начала со всей силы колотить его кулаками куда попало, что в целом его не беспокоило. Однако, когда пленница порядком надоела циклопу своими выходками, он подхватил ее другой свободной рукой, немного встряхнул и недовольно рыкнул. У еще больше перепугавшейся Флорентины по спине пробежали мурашки, и она мгновенно передумала оказывать всяческое сопротивление и уж тем более сердить его. После этого жуткого рыка девушка начала сомневаться, что у нее есть шансы договориться с невиданным чудовищем, хотя он удерживал ее довольно нежно с самого начала и даже тогда, когда она упорно сопротивлялась.

Быстрыми и размашистыми шагами циклоп непреклонно удалялся все дальше от пастбища. Флорентину довольно сильно укачивало у него на плече, поэтому она даже не пыталась отслеживать маршрут, тем более после того как блеяние овец перестало быть слышным. Девушке было невероятно страшно, но к ее удивлению от циклопа исходила такая спокойная и приятная энергетика, что она совсем запуталась в своих догадках относительно того, кто ее загадочный похи-

титель – кровожадный зверь, который хочет поглумиться над ней и съесть с костями, или добросердечный урод, невиновный в том, что природа наделила его такой пугающей внешностью.

Когда циклоп принес Флорентину на место своего привала, расположенного где-то в глуши леса, то аккуратно посадил ее спиной к одному из деревьев и привязал ее руки к стволу. Теперь девушка могла продышаться и осмотреться.

Рядом с пленницей располагался шалаш, добротно сложенный из рогулин, жердей, ветвей и лапника. В полуметре от ее вытянутых ног находилось кострище, обложенное камнями, каждый из которых был размером с кулак. За ним на небольшом расстоянии от него, таком, чтоб было удобно пройти мимо и не обжечься, если будет гореть огонь, стоял стол, определенно служивший циклопу местом для разделки туш, и представлявший из себя ни что иное как широкую доску, стоящую на трех выкорчеванных пнях. В подтверждение этому на нем лежали мелкие ошметки мяса, над ними вились мухи, а в лиственницу, ближайшую к этому столу и возвышавшуюся над всем этим привалом, был воткнут старый орочий топор, покрытый запекшейся кровью. Здесь же между деревьями на натянутой веревке сушились грибы и пучки трав, а внизу на земле имелась небольшая поленница. Видя все это и совершенно не представляя, что будет происходить дальше, Флорентина перепугалась до того, что ее тело охватила дрожь.

– Что ты от меня хочешь? Скажи мне, не мучай меня! – не выдержав, воскликнула девушка, подняв глаза на своего похитителя, неторопливо занимавшегося разведением костра и не обращавшего на нее никакого внимания.

Нужно было что-то делать, но в голове пленницы путалось много разных мыслей, что она не могла найти какое-то определенное решение, которого ей следовало бы придерживаться. Она даже не знала, что от нее хочет этот загадочный похититель, но больше всего Флорентине очень не хотелось бы оказаться на этом жутком столе и быть изрубленной этим старым орочьим топором, поэтому молчать в данной ситуации было глупо.

– Раз уж ты собираешься меня съесть, то мы могли бы хоть немного поговорить перед этим. Уверена, что тебе тут не хватает общения, ведь так? Или ты не любишь говорить с теми, кого ешь? Ты меня хотя бы понимаешь? Скажи мне хоть что-нибудь, не молчи! Я не хочу умирать! Не ешь меня, пожалуйста, ведь я тебе могу не понравиться на вкус, а вернуть меня к жизни будет уже нельзя. В лесу много диких зверей, лучше есть их. Поймать какого-нибудь кабана, конечно, труднее, чем меня, но он точно вкуснее и сочнее. Хотя, что я тебе говорю! Ты наверняка уже перепробовал в лесу всю живность и решил привнести новизны в свой рацион, однако нужно хорошо подумать прежде чем есть подобных себе. Это очень неправильно, – Флорентина понимала, что ее болтовня способна еще больше рассердить и вызвать аппетит у по-

хитителя, но она также могла вызвать и отвращение к себе, в любом случае молчание стало бы для девушки еще большей невыносимой пыткой. Однако циклоп, которого явно начала раздражать эта болтушка, подошел к ней и присел возле нее на колени. В руках у него была тряпка, быстрыми движениями его руки превращавшаяся в кляп.

– О нет, только не это! Я буду молчать! Прости, прости, – взмолилась Флорентина. Циклоп ненадолго задумался, умиротворенно посмотрел ей в глаза, бросил тряпку к ее ногам и продолжил заниматься своими делами.

Сложив из палочек и веточек пирамиду, подсунул под них бересту и охапку соломы, затем взял со стола специальную дощечку, наполненную трупом, небольшой лук и стержень для розжига костра, при помощи которых незамысловатыми действиями разжег костер. Он не проделал ничего особенно, что не произвело бы никакого впечатления на обычного охотника и даже на любого вредного мальчишку, но Флорентина восхищенно вздохнула, никогда прежде не видевшая подобных чудес. Как говорится, дело мастера боится. Циклоп тоже обратил внимание на восторженную реакцию девушки и улыбнулся уголком рта. Он поднялся с колен, подошел к шалашу, снял с сучка бурдюк с водой, жадно припал к нему, после чего повесил обратно, вдоволь напившись.

– Нельзя ли и мне попить? – рискнула Флорентина и к ее величайшему удивлению циклоп без раздумий поднес ей кожаный сосуд с жидкостью, позволив пленнице утолить жажду.

ду, – Очень благодарна.

Похититель кивнул, статно выпрямился и вернул бурдюк на место, туда, где он висел все это время. Затем циклоп загадочно прошел вперед, чуть дальше стола и прислушался. С минуту он был неподвижен, потом обеспокоенно осмотрелся по сторонам, посмотрел на горящий костер, на Флорентину, привязанную к дереву, выругался и побежал в гущу леса. Недавно переборовшая свою дрожь девушка снова разволновалась. Она хотела окрикнуть циклопа, но сразу же осознала, что он ее не слушает. Веревки крепко удерживали руки Флорентины, поэтому ей оставалось только тихо дожидаться возвращения загадочного похитителя.

Глава 5. Скотобойня

Примерно к полудню Антонио успел покинуть пределы городка и вальяжно приближался к скотобойне. В течении всего маршрута он совершенно ни о чем не задумывался, пренебрежительно отнесшись к недавнему разговору со своим приятелем Иннокентием. Он считал, что касаясь отношений с женой правота на его стороне, а сама не внушающая доверия пастушка и ее заступник-художник заблуждаются. Если Антонио решил, что жена не должна работать, а ее главная задача – слушаться мужа и сидеть дома, дожидаясь его у окна, то так и должно быть, Иннокентий, в свою очередь, несмотря на то, что он обладает тонким чутьем, даже не состоит ни с кем в любовных отношениях, поэтому не имеет права давать советы тому, кто женат. Стоило бы только ознакомиться с жизненной позицией Антонио, как сразу же возникал вопрос: да что о себе возомнил этот жалкий владелец скотобойни, разве он имеет право так ограничивать свободу своей жены, не считаясь с ее мнением? Вообще то если основательно разобраться в том, насколько влиятелен в городке Антонио, то его поведение и амбиции будут понятны любому, а вопрос отпадет сам собой. Чтобы понять тщеславного и самовлюбленного Антонио достаточно просто разобраться в том, чем же на самом деле занимаются на скотобойне, одно название которой так пугает Флорентину.

Владение мужа пастушки снаружи выглядит как большое одноэтажное здание, но не все так просто как кажется. Это действительно зловещее место, побывавшему в котором может действительно перехотеться есть мясо, поэтому там способны работать только невозмутимые и не боящиеся крови жители Гилбадна. Во избежание несчастных случаев слабохарактерных и нездоровых горожан Антонио просто не имеет права трудоустраивать. В целом у него в подчинении около дюжины работников.

Итак, на скотобойню поставляют крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, кроликов и птиц в живом виде. Здесь они будут так же содержаться в загонах, но только на время осмотра ветеринаром. Далее здоровых животных, а именно всех кроме птиц, отправляют в узкий коридор, где их тщательно моют и оглушают молотом. Пока они пребывают в бессознательном состоянии их подвешивают за связанные задние ноги на крюки и спускают на верхний подвальный ярус, где высота потолков гораздо ниже, чем в так называемой основной части здания. Здесь работают мясники, а не разнорабочие. Полыми ножами они вскрывают вены и артерии в области шеи с целью обескровливания животных с одновременным их закалыванием. Этот процесс происходит очень быстро, буквально за секунды кровь выливается из туш, после чего их двигают на конвейере с крюками дальше, где мясники сдирают шкуры и извлекают внутренности с омертвленных животных, которые снова проходят ветери-

нарный контроль. Далее происходит распиливание туш пополам вдоль позвоночника, а завершающим этапом убоя является сухая и мокрая зачистка от загрязнений. На этом работа мясников заканчивается и разнорабочие уносят полутуши ниже в морозильный ярус, который является самой интересной частью скотобойни. Дело в том, что стены и пол в ней обложены ледяными блоками, поставляемыми с севера краглами, что приводит к образованию низкой температуры, которая сохраняется длительное время. Рабочие преспокойно заходят с факелами в морозильный ярус, зная, что им совершенно не о чем переживать, и подвешивают на крюки готовые полутуши, которые быстро покрываются ледяной коркой. Что касается птицы, то с ней проделывают практически тоже самое, только туши сразу же поставляют на рынок в продажу, а все что остается отправляют на лодках в Бардрен, при необходимости обрабатывая солью и специями, чтоб не допустить просрочки товара.

Однако забой скота и продажа мяса – это всего лишь основная деятельность скотобойни. Поначалу, когда только она начала функционировать, вырученных денег хватало только для того, чтобы выплачивать заработные платы ее работникам, но предприимчивый отец Антонио в скором времени придумал способ значительного повышения прибыли на его скромном предприятии. Помимо того, что шкуры продавались скорнякам, которые занимались пошивом обуви и одежды, на верхнем подвальном ярусе был размещен и от-

горожен колбасный участок, где мясники занимались изготовлением мясной продукции. Выражаясь современным человеческим языком, отец Антонио создал на Этриусе первый небольшой мясокомбинат, который впоследствии был усовершенствован его сыном! Теперь, когда у молодого владельца появилась в распоряжении печь и коптильня, на скотобойне начали изготавливать несколько сортов колбасы, ветчину, буженину и прочие вкусности, которые сразу же сбывались торговцам, а они в свою очередь распродавали эти продукты питания на городском рынке. Жителям Ларгиндии сразу же пришлось по нраву такое новшество, и денежки потекли к Антонио рекой. Его предприимчивости тоже следовало отдать должное, так как он не только не загубил начатое его отцом дело, но и расширил ассортимент мясной продукции, выпускаемой на его скотобойне.

Таким образом выясняется, что Антонио очень влиятельный житель Гилбадна, сотрудничающий с мэром города, торговцами, краглами-поставщиками снега, владельцами ферм и конюшен. Не трудно догадаться, что деньги в этих кругах вращаются не малые! Конечно, его высокое положение не является основанием для того, чтобы понукать женой, но во всяком случае объясняет почему Антонио так тщеславен и самовлюблен, ведь его никто не принимал на работу владельцем скотобойни и никому не ведомо наверняка можно ли ему там появляться по состоянию здоровья, особенно в морозильном ярусе. Возможно, у него уже длительное вре-

мя проявляются расстройства нервной системы, от которых ему будет весьма затруднительно избавиться самостоятельно, даже если он поймет их наличие, если не бросит пить. Любой компетентный врач, переговорив с Антонио с глазу на глаз, признал бы в нем своего пациента, ведь у владельца скотобойни просматриваются как минимум три симптома расстройства нервной системы – мрачные навязчивые мысли, раздражительность и неспособность сосредоточиться на своих проблемах.

Однако, как только Антонио открыл дверь и вошел в свой кабинет, он первым делом направился к шкафу и достал из него запечатанную бутылку вина. Не утруждая себя излишними переливаниями терпкого напитка, он принялся пить его из горлышка, даже не обратив внимания на запылившиеся на полке бокалы. Когда настроение Антонио улучшилось благодаря способности алкоголя делать мир лучше для определенного круга лиц, в число которых входил и владелец скотобойни, он решил пройтись по своим владениям и с бутылкой вина он не собирался расставаться. Его совершенно не беспокоило как воспримут такое бесцеремонное поведение от своего работодателя работники, ведь в целом он не собирался делать ничего плохого, тем более у предусмотрительного Антонио имелись меры предосторожности – заместитель, который в случае отсутствия владельца скотобойни выполняет его обязанности за небольшую доплату. А кто осмелится сказать, что начальник в пьяном виде прогуливается

по этажам и отлынивает от работы? Дураков нет, ведь никто не хочет получить от ворот поворот, а потом так же с бутылкой сидеть в кабаке и жаловаться на то, что его уволили за пьяные выходки на работе, хотя он никогда бы себе не позволил ничего подобного.

– Как наши дела, Сантьяго? – проходя мимо куда-то спешащего заместителя, поинтересовался Антонио, но быстро поправил себя, – Точнее, мои!

– Все в порядке! Отдыхайте, я потом вам обо всем представлю отчет, – ответил тот, на мгновение остановившись, чтобы поприветствовать начальника, и поспешил по делам.

Антонио понравился такой ответ, он засмеялся, но тут же заметил молоденькую девушку, которая работала ветеринаром и осматривала овцу, и изменился в лице. Он стал очень серьезен, а после глотка вина на его лице появилась коварная ухмылка. Было трудно определить, чего ему хочется больше – пригласить домой ветеринара, чтобы она осмотрела его жену, или пригласить ветеринара в свой кабинет и осмотреть сначала ее? Антонио посчитал что правильным было бы определить в процессе разговора и решительно направился к специалисту по животным, увлеченно занятым своим делом, в отличии от занимающегося бездельем владельца скотобойни.

Глава 6. Нарушенное молчание

Ожидание неизвестности оказалось невыносимым. Поначалу размышления и страхи Флорентины досаждали ее самоконтролю словно обстрел из луков вражеским войском защитников крепости, но потом, чуть позже, началась настоящая осада со стуком тарана об ворота. Так kloкотало в груди девушки бойкое сердце, что его биение играло в ее висках барабанами. Попытки порвать крепкую веревку не увенчались успехом, тогда Флорентина опираясь спиной о дерево, к которому была привязана, хорошо поработала онемевшими ногами и смогла встать на них. Она горделиво вскинула голову, чтобы убрать с лица растрепавшиеся длинные русые волосы и осмотрелась по сторонам. В тот же миг она увидела, как мимо нее пробежал скулящий волк. Морда его была в крови, и он прихрамывал на заднюю лапу. Пленница прижалась к дереву и замерла. Хищник заметил ее, но не рискнул приближаться к привалу циклопа. Девушке на мгновение показалось, что ее легким не хватает воздуха, когда она продышалась, открыв рот, то поняла, что ей просто нужно успокоиться. Она снова намеревалась сесть на землю, но когда вернулся загадочный похититель, приволочивший задранную волком овцу, то Флорентина с трудом сдержала свой гнев.

– Как ты смеешь? – сердито выпалила она и топнула но-

гой, – Лучше меня сожри!

Циклоп проигнорировал ее. Он спокойно взвалил на стол тушу, выдернул из лиственницы орочий топор и с одного удала срубил овечью голову. Она покатила по земле прямо к Флорентине, и девушка, выругавшись, пнула ее ногой. Пасовка циклопа и его пленницы завершилась не очень удачно, так как своеобразный мяч улетел к поленнице и иронично там улегся – отрубленная овечья голова пристально смотрела на Флорентину.

– Убери ее с глаз моих долой! Что ты вообще делаешь, негодяй?! – рассвирепела пленница, призывая похитителя к ответу.

Циклоп стоял спиной к девушке и не реагировал на ее призывы, а по столу к его ногам несколькими струйками стекала алая кровь. После его ловких манипуляций с погибшим от зубов волка животным, которые наблюдала Флорентина, на землю повалились шкура и потроха. Дальше было еще менее приятное зрелище, когда похититель насаживал тушу на палку. Довольный проделанной работой, он повернулся лицом к девушке, и она увидела его обагренные кровью руки, но приглядевшись лучше не трудно было заметить след от укуса хищника на запястье циклопа. Из открытой раны сочилась его кровь, сливаясь с овечьей.

– О, боги! Ты ранен! – воскликнула Флорентина так, словно он не знал об этом.

С невозмутимым спокойствием ее похититель подошел к

шалашу, приставил к нему насаженную на палку тушу и положил бурдюк так, чтобы из него вытекала вода. Помыв руки и допив ее остатки, он повесил пустой сосуд на сук и опустился на колени перед входом в шалаш, до пояса исчезнув в нем. Через некоторое время он выбрался из него и поднялся на ногу с уже забинтованной тряпкой рукой. В своей жизни девушка еще не видела серьезных ран, за исключением единичного случая, когда пьяный Антонио, ругаясь с ней, разбил оконное стекло кулаком и получил небольшое рассечение на кисти. Тогда было довольно-таки темно и пастушка не приглядывалась. Тогда муж не дал ей забинтовать рану, сделал это сам. Глупая выходка Антонио не шла ни в какое сравнение с поступком циклопа, ведь он отогнал от стада волка, хотя имел наглость забрать убитое им животное. Впрочем, овца послужила некой контрибуцией для него за проделанную работу и полученную рану.

– Может быть, ты наконец поговоришь со мной? Я уже поняла, что ты не собираешься убивать или насиловать меня! Ты сделал очень хороший поступок, что прогнал волков, но я ничего не понимаю. Объясни мне, что происходит? – обратилась к похитителю Флорентина, в то время как он неторопливо втыкал в сырую землю рогулины и водружал на них над костром тушу, – Я так сойду с ума! Разве ты этого хочешь? Может быть, тебя подослал Антонио или еще кто-то? Скажи, перед кем я виновата? Почему ты мучаешь меня? Ты немой?

– Нет, не немой, – наконец-то ответил ей циклоп, даже не повернув к ней лицо. Он прошелся до поленницы, вернулся к костру с несколькими бревнышками и подложив их в огонь, сел на землю.

– Говори же. Говори, что хочешь, только говори, – в ожидании разгадки причины своего похищения требовала Флорентина.

– Я часто наблюдаю за тобой, когда ты пасешь свое стадо. Мне очень одиноко, а ты такая жизнерадостная и прекрасная девушка, что на тебя можно любоваться часами. В очередной раз я просто пришел послушать твое пение, но ты заметила меня, – признался циклоп.

– Но зачем ты вышел ко мне из лесу? Ты мог просто уйти, – удивилась девушка.

– Сам не знаю, что нашло на меня. Когда я понял, что ты испугалась меня и больше не вернешься на этот луг, что ты перестанешь пасти стадо, и я больше никогда не увижу тебя, то потерял над собой контроль и шагнул вперед. Ты начала кричать, и я понял, что совершил ошибку. Мне не оставалось сделать ничего другого, как похитить тебя. В противном случае, ты бы сбежала, рассказала обо мне, и в городе поднялся бы переполох, – ответил циклоп. Стоило ему заговорить, как его неприятный облик изменился в глазах девушки. Перед ней сидел мужчина с густыми темными волосами средней длины и длинными бакенбардами. Крупный нос и аккуратный рот создавали вполне приятные черты ли-

ца. Смущало только то, что у собеседника был лишь один глаз.

– Я никому бы не сказала о тебе. У меня нет таких близких, кто поверил бы мне, – возмутилась Флорентина, но тут же вспомнила о Маргарите, от которой у нее не было секретов, и тяжело вздохнула, – Хотя возможно ты прав в том, что даже я могла проговориться и что я действительно перестала бы пасти стадо у леса и мне как-то пришлось бы объяснять этот поступок, не говоря уж о пропавшей овце.

– Не такая уж она и пропавшая, – усмехнулся циклоп и повернул тушу.

– Ну а что мне сказать управляющему фермы? Я однажды сама умудрилась прогнать волка, но мне чудесным образом повезло. Но сейчас меня начнут подозревать в воровстве и потребуют вернуть за нее деньги.

– Кстати, волков было два. Тогда мне следует поделиться с тобой своим обедом, раз он из твоего кармана.

– Спасибо, но лучше дай мне воды. Я очень хочу пить. А лучше развяжи мне руки. Они затекли!

– Это исключено. А за водой нужно идти на родник. Есть вино.

– Я не сбегу. Ну что я могу сделать? Развяжи, пожалуйста. Циклоп послушно поднялся, подошел к дереву и разрезал орочьим топором веревку, которая удерживала руки пленницы.

– Спасибо, – потирая запястья и подсаживаясь ближе к

огню, поблагодарила похитителя Флорентина, когда он вернулся на свое место, – Наверное, у тебя отличный слух, раз ты услышал, как волки подкрались к стаду?

– Не жалуясь. Лучше расскажи о себе, – предложил смелить тему разговора циклоп и пристально посмотрел на девушку, – Так ты будешь вино или нет?

– У меня нет выбора. Я очень хочу пить, – согласилась Флорентина, и циклоп ползком добрался до шалаша, достал оттуда бутылку дешевого вина и вернулся к костру. Флорентина охотно утолила жажду.

– А откуда у тебя вино? – интерес просто распирал пленницу, и она явно перегибала с расспросами, забывая, что находится не в том положении, чтобы их задавать, – И зачем тебе им делиться со мной, если ты можешь отпустить меня? Я не буду менять место работы теперь и приду завтра, чтобы спеть для тебя. Верну деньги управляющему фермы за погибшую овцу. Отпусти меня.

– Ты слишком торопишь события. Я еще ничего не решил.

– Но волки снова могут утащить овцу или козу!

– А ты хитрая лиса! Они зализывают раны, а твое стадо я прогнал с пастбища, и они помчались к городку, – засмеялся циклоп и пригрозил пленнице пальцем.

– Но рано или поздно тебе придется отпустить меня! – выпалила пленница.

– Куда ты так рвешься? Радуйся тому, что я не собираюсь тебя сожрать, – осадил разгорячившуюся девушку циклоп, –

Я еще не настолько уверен, что тебе можно доверять. Расскажи мне о себе. Только не ври, я достаточно проницателен, чтобы распознать ложь.

Флорентина устало вздохнула. В целом находиться в компании одноглазого огра было не так уж и плохо, к тому же девушка уже было счастлива, ведь ее никто не хотел съесть, а наоборот – похититель угостил ее вином и, скорее всего, не пожадничает поделиться с ней жареным мясом, которое источало такой аппетитный аромат, что в любой момент из-за него у пленницы вот-вот могли начать капать слюны изо рта. Ничего пугающего во внешности и опасного в намерениях огра не прослеживалось, казалось, что он и сам находится в некой растерянности от своего необдуманного и разбойничьего поступка. Мало того, что он до ужаса напугал Флорентину, так еще и похитил, сам не зная зачем. Однако девушка осталась после всего произошедшего в здравом уме и не имела никаких претензий к похитителю, к тому же волки напали на стадо по своей инициативе, так что тот, кто их прогнал, определенно, заслуживал похвалу. Нелепая мысль о том, что огр выдрессировал диких хищников и специально натравил их, отметалась сразу, просто несколько случайностей произошли в один день и почти одновременно. Только случайны ли случайности? Так что спешить с выводами пастушке не следовало, да и домой тоже. Действительно, куда она так торопилась – получить взбучку от управляющего фермой за пропавшую овцу или снова увидеть пьяную фи-

зиономию своего муженька Антонио?

Глава 7. Детство сироты

Рассказывать Флорентине о себе ничего не хотелось, но раз у нее не было другого выбора, она собралась с мыслями и начала вспоминать все по порядку.

Младенчество было счастливым. Девочка родилась в семье рыбака в маленькой избушке на берегу океана. Ее мама была очень заботливой и не оставляла ее ни на минуту. Малышка Флорентина всегда была сытой и одетой. Мать всячески забавляла ее, а когда под вечер приходил домой отец, то он брал девочку на руки и крепко прижимал к своей небритой щеке. Можно было не сомневаться, что Флора росла в счастливой семье с любящими родителями. Благодаря чудесному добродушию этих милых ларгов даже незабываемое сочетание запахов парного молока и свежей сырой рыбы, постоянно витавшие в их скромном жилище, навсегда остались в памяти Флорентины.

Однако счастье не бывает вечным. В один из злополучных дней разыгрался шторм со шквальным ветром и непроглядным ливнем и под вечер как обычно отец девочки не вернулся домой. То, что творилось на улице, Флорентина видела своими глазами не только сквозь стеклышки окна, но и в распахнутую дверь, потому что мать девочки часто открывала ее и вглядывалась в ночную темноту в ожидании мужа. До сих пор пастушка не знала наверняка, что случилось с

ее отцом, но понимала, что он, скорее всего, утонул в лодке, которую унесло от берега и перевернуло волной, либо его просто убило молнией. Осознать это у малышки тогда не было времени, потому что оно обошлось с ней не благосклонно. Не трудно понять, что бедной вдове не с кем было оставить ребенка, а денег для найма няни-сиделки у нее не было, поэтому она не могла устроиться на работу. Не прошло и нескольких месяцев, как она умерла, что было не мудрено, ведь после того, как ушел из жизни кормилец, мать Флорентины жила впроголодь, тратя накопленные деньги на хлеб и молоко для ребенка. Все это пастушка тоже поняла спустя годы, потому что она хорошо помнила, как часто роняя слезы на ее щеки, всхлипывала мать и кормила дочь.

Лет пять было сиротке, когда она, бродя по улицам Гилбадна, наткнулась на отца Антонио. Он сразу смекнул в чем дело и отвел девочку к себе домой, где она охотно согласилась остаться после того, как ее отмыли от грязи, обогрели и накормили. Очень неприятным во всей этой истории было то, что жена опекуна Флорентины с неохотой приняла ее в семью, поэтому, чтобы не утруждать ее, заботливый муж каждое утро отводил девочку на животноводческую ферму по пути на скотобойню. Так она познакомилась с Джорджио, а он с ней. Любовь к животным во Флорентине проснулась мгновенно, как только она их увидела. Часами напролет девочка могла наблюдать за тем как кушают коровы, играть с пушистыми кроликами и кататься на лошади. Не ленилась

малышка и помогать управляющему фермы. Казалось, что жизнь налаживается, но новый удар судьбы сильно обескуражил Флорентину – смерть опекуна сделала ее абсолютно одинокой, не имеющей за своей спиной защитника, которому она могла бы пожаловаться и поплакать в плечо. Мачеха ругала девочку за малейшую провинность, и заплаканная падчерица убежала на ферму, не желая возвращаться домой. Мать заставляла Антонио, ровесника Флорентины, чтобы он приводил домой негодницу. Впрочем, мальчик был вполне добродушен и даже старался заботиться о названной сестре. Они вместе ходили в школу Гилбадна, и когда девочка стала старше, то ей пришлось помогать ему в учебе, потому что некоторые науки давались будущему владельцу скотобойни не легко, да и лениться он начал.

Когда же Флорентина обмолвилась о том, что вышла замуж за Антонио, то не сдержалась и заплакала. Про тиранию свекрови, враждебно настроенной по отношению к ней, и про пьяные выходки мужа, думающего только о себе, а возможно не думающего вообще, девушке рассказывать не пришлось, так как собеседник слушал очень внимательно и мимикой примечал все перепады ее настроения, проявлявшиеся в жестиках и в мимике лица. Когда он увидел на нем слезы, то не только проникся к Флорентине состраданием, но и почувствовал себя виноватым за то, что не оставил ей иного выбора, как рассказать о своей тяжелой жизни. Ему следовало предложить девушке прекратить свой рассказ, ес-

ли он ее тяготит, вот только любопытство сыграло свое злое дело, что привело пленницу в расстроенные чувства.

– Что, совсем муженек плохой стал? – с сочувствием спросил у нее циклоп, отрезал топором кусок мяса от жаренной туши и протянул его девушке, – Так зачем ты за него вышла, если он в мать пошел и обижает тебя?

– По большей части из чувства долга. Поначалу он ухаживал за мной, гулял по городу и делал подарки, а потом пристрастился к алкоголю. Разговаривать с ним невозможно. Он ничего не желает слушать и даже не хочет понимать, что его мать ненавидит меня, – призналась Флорентина, кушая мясо.

– А чего этой старухе не нравится? В чем ты провиниться могла?

– Не знаю. Ничего плохого я не сделала ни ей, ни Антонио. Возможно, что мой отчим любил меня больше, чем родного сына.

– Или потому что она не любит детей вообще. Разве можно было не любить такую хорошую девочку!

– Была хорошей, но сейчас у меня скверное предчувствие, что я стану сегодня для всех плохой, – неожиданно задумалась Флорентина, – Мне нужно вернуться в город. У меня на сердце не спокойно, ведь стадо могла повернуть обратно или оно до сих пор бегает по городу. Прошу отпусти меня, пожалуйста.

– Не переживай. Сегодня погибла овца, так что тебя отру-

гают, если ты придешь и скажешь, что не доглядела, а если ты придешь поздно, то сможешь сказать, что отгоняла волков от пастбища. Детали будут уже не важны. Смекаешь? – предложил ей циклоп и сразу же увидел легкое одобрение на лице девушки, – Так что ешь мясо, но не налегай на вино, а то опьянеешь.

– Так значит, я свободна? – обрадовалась Флорентина.

– Ну в общем-то да. Поначалу я намеревался тебя оглушить и отнести на окраину города, но не посмел ударить, затем хотел напоить и дожидаться пока ты уснешь, но такой подлый способ тоже не для меня. Тем более сейчас я знаю, что у тебя нелады с мужем пьяницей, поэтому твой приход домой в подобном ему состоянии обернулся бы новой ссорой, – развел руками в стороны циклоп, – Ты свободна и я могу тебя проводить до опушки, но лучше нам больше не встречаться, так что тебе нужно будет найти какой-то более разумный способ кроме оглушения и глушения алкоголя, чтобы позабыть о моем существовании.

– Что ты такое говоришь? Почему? – нахмурилась Флорентина, не сомневавшаяся в том, что их встреча и все произошедшее в этот день произошло не случайно.

– Потому что я ужасен, а ты красивая девушка. Если какой-нибудь горожанин увидит меня, то непременно сообщит страже Гилбадна, что в лесу живет чудовище. Я веду уединенный образ жизни, никому не мешаю, но я не могу пройти по городу, не скрывая под капюшоном своего лица. Мне

нечего рассказать тебе, нечего дать взамен, на меня даже страшно взглянуть! Я совершил ошибку тем, что осмелился слушать твое пение, – расчувствовавшись, признался девушке циклоп.

– Ты ошибаешься в другом. Ты не ужасный, а милый, – решительно взяв за руку своего собеседника заявила Флорентина, – Я совершенно не жалею о том, что произошло сегодня. Сегодня я познакомилась с замечательным жителем Ларгиндии. Он прекрасный охотник, кулинар и настоящий мужчина. Я не уйду никуда, пока ты не расскажешь мне о себе, а перед этим я должна спеть для тебя и спросить твое имя. Как зовут моего похитителя?

– Прохор, – улыбнулся циклоп.

– Мне очень приятно, Прохор. Я Флорентина, – ответила девушка и запела:

О, ларг, соверши для меня подвиг,
Спаси меня, словно отважный Клинок!
Мне так не хватает твоей любви.
Почему ты все еще не у моих ног?

О, ларг, я буду твоей Луной,
Я поцелуями исцелю твои раны.
Будь рядом со мной в этот час ночной
И любовником, и охраной.

– Прости, что перебиваю, но спой мне другую песню, пожалуйста, которую ты пела вчера и плакала. Я люблю, когда ты поешь ее, – внезапно сказал Прохор, -Я циклоп и мне не знакома взаимная любовь ларгов, но я понимаю песню про разлуку и одиночество, хотя никогда не видел кораблей и островов, о которых в ней поется.

– Хорошо, слушай, – наконец-то улыбнулась Флорентина и снова запела:

Жизнь без любви
Не имеет смысла.
Уплыли корабли,
Унесли их весла.

Сорви цветок
И он погибнет,
А на голове венок,
Подобен нимбу.

Венок кораблем
Уплывет по реке.
Мы были вдвоем,
Сейчас налегке.

Я встречаю
Лучи солнца.

Не уйдут печали
И он не вернется.

Я скучаю
И без кольца.
Сатир отчаянно
Смеется.

Плывут к островам
Новые корабли.
Словно дрова,
Мы любовь сожгли.

Цветы – не деревья,
Любовь – не костер.
Ветер развеет
То, что огонь не стер.

Прощай, венок!
Плыви к островам.
Не стала женой,
А грущу, как вдова.

Я встречаю
Лучи солнца.
Не уйдут печали

И он не вернется.

Я скучаю

И без кольца.

Сатир отчаянно

Смеется.

Глава 8. Диагноз начальника

Изрядно повеселевший от вина Антонио как бы невзначай подошел к загону, в котором молодая ветеринар осматривала овцу, стоя на коленях перед ней и спиной к владельцу скотобойни, и стал дожидаться того, чтобы она его заметила, вместе с этим любуясь притягательным телом девушки, которое она скрывала под легким платьем. Если бы она знала, что за ней наблюдают, то вела бы себя более стесненно, но ей это было невдомек. Когда девушка завершила осмотр овцы и поднимаясь вверх обняла ее за кудрявую морду и поцеловала в нос, то имела неосторожность оказаться в нескольких шагах от Антонио в поклоне спиной к нему. Вместо того, чтобы отвести глаза в сторону муж Флорентины, бесцеремонно приковал их к самой мясной части тела худощавого ветеринара. Когда она выпрямилась и развернулась, то немного отшатнулась назад, увидев перед собой владельца скотобойни, который лениво поднял глаза вверх, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Добрый день! Развлекаетесь? – быстро нашлась девушка, выходя к нему навстречу из загона и боком закрывая вертушек на калитке, не желая поворачиваться спиной к работодателю, когда он стоит рядом с ней на расстоянии вытянутой руки.

– Добрый, Лана, – с интересом разглядывая темные вью-

щиеся волосы ветеринара и показательно делая глоток из бутылки, – Каждому свое. Кто-то работает с раннего утра до позднего вечера, а кто-то беззаботно развлекается целыми днями.

– В этом вы правы, но многие считают, что в беззаботной жизни нет смысла, – тактично пристыдила его ветеринар, собираясь уйти.

– Не спеши, – остановил ее Антонио, сделав серьезный вид, будто задумался, – Мне как раз хотелось бы поговорить с тобой о смысле жизни. Овцы подождут.

– Извините, но у меня очень много работы. Вынуждена попросить вас отложить эту беседу на более удобный для нее случай, так что, с вашего позволения, пойду. Вынуждена откланяться, – ветеринар явно понимала куда смотрел владелец скотобойни, когда она стояла, наклонившись к нему спиной, и последними словами решила пристыдить его.

– Не забывай, Лана, что ты работаешь на меня, – взял ее за руку Антонио.

– Что вы хотите? – с выпадом сказала девушка и смерила его пренебрежительным взглядом.

– Нам есть, о чем поговорить, – жестом предлагая пройти, ответил владелец скотобойни, и когда девушка послушно пошла с ним вперед, он сделал еще глоток вина, – Добрая моя Лана, ты так заботлива к животным и судя по всему знаешь в чем смысл жизни, но не хочешь замечать, что твой работодатель нуждается в помощи. Да, я беззаботен, но только

потому что мне не о ком заботиться.

– Что вы такое говорите? У вас есть мать и жена!

– Они не любят меня. У меня есть все, кроме самого главного в жизни – смысла.

– Вы бредите! Поговорите со своей женой и найдите точки взаимопонимания.

– Она избегает общения со мной.

– Вы хотите услышать прямой ответ? Так я вам скажу. Вы вечно пьяны! Кто захочет говорить с тем, кто не рассудителен, сосредоточен на своих чувствах и не желая признавать чужие. Позвольте, я пойду заниматься своими делами? – резко отпихнув потянувшуюся к ней руку Антонио, воскликнула Лана.

– Ты ими сейчас и занята. Прошу и отказ не принимается, – предупредил ее Антонио и жестом предложил пройти в его кабинет, – Иначе я буду вынужден расторгнуть с тобой трудовой договор за неповиновение начальству.

Лана огрызнулась, но послушно зашла в небольшое помещение, находившее рядом с входом в здание и служившее кабинетом владельцу скотобойни. Девушка села на стул, преследуя раздирающим взглядом его самодовольные лицо, на котором красовалась наглая улыбка. Антонио сел за стол и сделал глоток из бутылки, поставил ее на него.

– Если я такое глупое и самовлюбленное животное, коим ты считаешь меня, а я больше чем уверен, что это так, то главной задачей для тебя теперь является вернуть мне здо-

ровый облик, – пояснил Антонио.

– Внешний осмотр показал, что вы выглядите вполне здоровым. Сходите к разнорабочим на мойке и пусть они вас приведут в надлежащий вид, – ответила ветеринар.

– Как смешно! Я имел ввиду свой внутренний мир, чувства, или как это правильно называется у врачей. Что делать с этим, Лана?

– Ваш внутренний мир свойственен вашей породе. Медицина бессильна.

– Ты хочешь сказать, что я бессердечное животное и так им и останусь?

– Разгадка кроется в ваших же словах. Начните думать, чтобы не быть животным, в этом я вам помочь не могу.

– Помогите мне измениться, добрая моя Лана! Я могу быть другим.

– Что вы от меня хотите? Вы получили мои рекомендации?

– С чего мне начать? О чем я должен думать?

– У вас есть жена, Антонио. Поговорите с ней! Я вам не служанка.

– Да не люблю я ее, потому что она издевается надо мной! Она злая, хочет, чтобы я унижался перед ней, хочет вить из меня веревки. Мне нужна ты.

– Не говорите чушь! Флорентина – прекрасная жена и искать кого-то другого после того, как вам удалось добиться от нее взаимности, крайне глупо.

– Нет, я ошибся с ней. Она ненавидит мою мать и избегает меня. Когда я прихожу домой она уже спит, а если я бужу ее, то она смотрит на меня с отвращением. Ее тошнит от поцелуев со мной, она сжимает ноги и брыкается. За все два года нашей совместной жизни она ни разу не одарила меня лаской, ни разу! Я уверен, что мне нужна такая как ты. Когда я смотрю на тебя, Лана, мне хочется упасть к твоим ногам! – раскрыл ветеринару свои чувства Антонио.

– Это унижит вас, не вздумайте, – очень метко сказала девушка и встала со стула, – У вас есть жена, вот перед ней и падайте на колени, хотя я уверена, что Флорентина хочет видеть рядом с собой мужчину, а не нуждающееся в лечении животное. Вам понятен диагноз? Я пойду?

– Диагноз? Я состоятельный мужчина и хотел предложить тебе стать моей женой, а ты издеваешься, – пробормотал Антонио, допил вино и швырнул бутылку в угол комнаты. Она звонко разбилась об стену.

– Животное! За мной ухаживает мужчина, а не их подобие, пропивающее деньги отца. Я сама уйду, если вы еще раз осмелитесь поднять этот омерзительный разговор! – ветеринар в гневе выскочила из кабинета владельца скотобойни.

– Лана! – окрикнул ее Антонио, но девушка лишь хлопнула дверью. Выругавшись, он вылез из-за стола, прошелся из стороны в сторону и подошел к шкафу, где лежали трудовые договора с работниками, еще кое-какая документация и неплохая подборка дорогих вин. Вне сомнения, владелец

скотобойни намеревался еще больше залить глаза на происходящее, нежели задуматься над словами ветеринара, которую у него не хватило бы смелости уволить, ведь многие работники сразу же попытаются выяснить, что произошло, и заступятся за нее. На скотобойне любой скажет, что эта молодая девушка является не только хорошим врачом, но приятной коллегой в мужском коллективе, так что расторжение договора с Ланой дорого обошлось бы Антонио, опрометчиво испортившему и без того не лучшие отношения с ней.

Глава 9. Сын героя орков

В одно из полнолуний орчиха, носящая под сердцем ребенка, выпила кровь из Рога изобилия по настоянию шаманов. Такое подношение от них считалось великой честью, и она сделала это с признательностью. Весь Угур-Агош с нетерпением ожидал рождения ее ребенка, но приятное событие омрачило всех жителей города. Несмотря на то, что малыш родился сильным и здоровым, его лицо оказалось обезображено. Мальчик родился с одним глазом, расположенным посередине лица над переносицей. Шаманы, как могли, успокоили потерявшую покой мать и жителей города, раздосадованных этим, словно несчастьем, ведь в целом ничего ужасного не произошло, и они должны были только радоваться счастливому событию.

Детей, рожденных от матерей, выпивших кровь из Рога изобилия, называли ограмми за могучую силу и бесподобное здоровье, которыми они обладали с момента появления на свет. Помимо такого значительного статуса среди всего орочьего народа им полагалось имя, как всем остальным. Необычного ограмми, рожденного с одним глазом, нарекли Циклопом.

Так ограмми и жил в Угур-Агоше, с каждым днем становясь все сильнее. Вскоре он вымахал до такого роста, что стал крупнее и выше всех жителей города. Орки стали побаиваться

его и прекратили подсмеиваться, опасаясь за свои жизни, но остальные огры продолжали подтрунивать над ним. Однажды один из них решил посмеяться над одноглазым Циклопом и как-то неудачно отозвался о нем. Под всеобщий смех раздался жуткий хруст, и этот огр пролетел мимо толпы орков. Его шутка так рассердила Циклопа, что он машинально подскочил к нему и со всей силы врезал ему в челюсть тяжеленным кулаком. Поднимая пыль, тело огра грузно повалилось на песок и не подавало никаких признаков жизни до тех пор, пока кто-то из толпы не решился подойти к нему. Выяснилось, что самостоятельно этому огру уже не подняться никогда. Он был мертв.

С тех пор над Циклопом уже никто не отваживался шутить, а он не стремился никому доказывать свою силу, хотя все жители города без того каждый день могли оценить его физические способности. Одноглазый огр с легкостью поднимал здоровенные глыбы, когда Бурша приказала укреплять крепостные стены Угур-Агоша, а когда пришла пора отправляться в лес за деревьями, которые все подчистую вырубил в округе города, он в одиночку приносил целые ели, выданные с корнем. Еще больше всего восхищало жителей Угур-Агоша, а особенно маленьких орчат, как ловко Циклопу удавалось жонглировать овцами, которые при этом пронзительно блеяли. Конечно, после такого представления животные оставались целыми и невредимыми, только еще больше вызывая у орков дикий аппетит.

Циклоп очень любил ковать оружие в кузнице Угур-Агоша. По большей части он там работал один, так как орки не желали мешаться у него под ногами и боялись попасть под горячую руку вспыльчивому огру. Он сам раздувал себе меха и старательно бил молотом по наковальне, создавая превосходные топоры и мечи для воинов города.

Единственной бедой для одноглазого огра стало найти себе молоденькую орчиху, которая искренне приняла бы его таким, какой он был. Все они проявляли к нему интерес и дарили свою симпатию, но после непродолжительных ухаживаний за ними Циклоп понимал, что они не любят его. Судя по всему, каждой из них просто хотелось похвастаться перед другими девушками, что именно ей удалось разбить сердце самому могучему воину Угур-Агоша. Такие намерения орчих незначительно расстраивали огра, и он с новой силой влюблялся в других красавиц города.

Бурную и счастливую жизнь Циклопа нарушило нападение на Угур-Агош стаи гигантских червей, которые, вырываясь из песка, стремительно разрушали каменные строения и утаскивали за собой жителей города. Шаман Улу Гуруш приказал одноглазому огру спасти Рог изобилия, который они хранили в подвале своей башни в центре Угур-Агоша. Только Циклоп, обладающий невероятной силой, был способен добраться до него во время такого разгрома и вынести его из города. Он послушно побежал со всех ног к башне шаманов и успел спуститься в ее подвал, но в ту же минуту за ним

каменное строение обрушилось и завалило лестницу наружу. Оказавшись в полной темноте, Циклоп попытался выдвинуть дверь, но завал полностью заблокировал ее. Даже его сила не позволила ему выбраться на свободу из своего заточения. Как он ни пытался раскрошить каменные стены подвала своими кулаками, они не поддавались, оставаясь лишь болью и синяками на костяшках пальцев. Долгие годы одноглазый огр мечтал, что собратья вызволят его из каменного плена, но этого не происходило. Он стойко терпел одиночество и непроглядную тьму, но не это оставалось самым ужасным в проклятье Циклопа, на которое он обрек себя. Ему предстояло мучиться голодом, и только в полнолуния Рог изобилия наполнялся кровью, которая хоть немного придавала ему сил и утоляла извечную жажду.

Освобожденный через годы старым эльбом Лиэлем, Циклоп был признателен ему за это, но, когда выяснилось, что спаситель намеревается забрать реликвию Угур-Агоша, благодаря которой огр оставался жив до сих пор, он обезумел от ярости. Теперь Рог изобилия принадлежит только ему после долгих мучительных лет и страданий, проведенных в подвале башни шаманов, в центре которой на каменном постаменте лежал этот бесценный артефакт! Защищая реликвию Угур-Агоша, Циклоп вступил в бой с Лиэлем и потерпел в нем поражение. Вождь эльбов выбил ему глаз и нанес раны, которые должны были оказаться для него смертельными, но случилось невероятное.

Не боясь стать кормом для гигантских червей, в Долину смерти, на развалины Угур-Агоша часто приходила одна из орчих, за которой ранее ухаживал Циклоп. Ее звали Мигротхи. Только после того, как его стали считать погибшим и похороненным где-то в песках разрушенного города, она поняла, как сильно влюблена в одноглазого огра и пожалела о том, что не призналась ему в своих чувствах тогда, когда это было возможным. Здесь она подолгу грустила, оплакивая своего возлюбленного, но однажды в один из чудесных солнечных дней Мигротхи увидела наполовину занесенного песком Циклопа, который лежал лицом на каменной плите. Выяснилось, что раны, полученные им в бою с Лиэлем, чудесным образом затянулись, вне сомнения благодаря лишь тому, что он длительное время пил живительную кровь из Рога изобилия. Он был без сознания и нуждался в уходе, поэтому Мигротхи построила над ним шалаш. Через месяц с небольшим она смогла привести одноглазого огра в чувства, после чего он начал пить и кушать из ее рук, стремительно идя на поправку.

Вскоре они покинули жаркую пустыню, уйдя в леса Ларгиндии неподалеку от Гилбадна, и стали жить там. Здесь, к их величайшей радости, у них родился малыш и они назвали его Прохор. Да, это были родители похитителя Флорентины, который охотно рассказал девушке о них, но замолчал, когда речь зашла о нем самом. Странно. Каким ужасным должно оказаться воспоминание, которое может привести в замеша-

тельство сына такой замечательной доброй и любящей пары, как отец и мать похитителя Флорентины! Неужели он успел совершить множество злодеяний за прошедшие годы, что не хотел рассказывать о них, или именно сейчас он задумал что-то недоброе? Пленнице не хотелось в это верить. Прохор совершенно не похож на злодея, хоть и внушает ужас своей внешностью.

Глава 10. Карта Этриуса

История любви Циклопа и Мигротхи очень впечатляла, ведь из нее выяснялось, что грубые орки умеют не только на словах, а на деле проявлять свои чувства, хранить верность возлюбленным и несмотря ни на что оставаться с ними вместе до последнего вздоха. Удивительно, но оказывается, тот кого девушка поначалу приняла за страшное чудовище, вышедшее из лесной чащи с намерением съесть ее, никакое во-все не кровожадное чудовище и не коварный разбойник, а одноглазый огр!

Смахнув с глаз двумя руками слезинки, она восхищенно посмотрела на рассказчика, с которым она все так же сидела у костра и вдыхала приятный аромат жаренной овцы. Долго ждать комментариев Флорентины, впечатленной такой невероятной историей о родителях Прохора, не пришлось.

– Так ты на самом деле единственный огр из ныне живущих на Этриусе! – воскликнула пастушка.

– Огров больше нет. Я циклоп. Лесное чудовище, которого испугается даже самый сильный воин Кругара, – заверил ее Прохор.

– Нет же! Ты огр, просто необычный, – настаивала на своем Флорентина.

– Я циклоп, а не огр, потому что у меня всего один глаз, и я ужасен. Я чудовище для всех ныне живущих на Этриусе, –

нахмурился собеседник.

– Перестань! Так звали твоего отца. Ты же знаешь это, а я знаю тебя лучше, чем кто-либо из этих ныне живущих! Я знаю какой ты на самом деле и мне уже не важно, как ты выглядишь. Ты милый и добрый огр. Не спорь со мной, – улыбнулась Флорентина, – Лучше расскажи о самом себе. Как ты живешь здесь?

– Не хочу с тобой спорить, а говорить о себе тем более. Тебе лучше отправиться домой. Я провожу, – отмахнулся циклоп.

– Я не могу так просто уйти, пока не узнаю о тебе. Я не смогу спокойно уснуть, если буду знать, что где-то в лесу в окружении диких зверей сидит одинокий Прохор, который уверен, что ему нельзя никому показываться на глаза, иначе все начнут неистово кричать и в панике убегать от него.

– А разве нет? Ты уже забыла, что с тобой было, когда я вышел к тебе из лесу? Думаешь, если меня увидят охотники, они захотят сперва поговорить со мной, прежде чем натянут тетивы своих луков?

– Так расскажи мне, ведь я теперь знаю о твоих родителях гораздо больше, чем о тебе. Что ты скрываешь?

– В том-то и дело, что мне нечего сказать о себе. Когда умерли мои родители, я остался совсем один, но они научили меня выживать в лесу. Поначалу я надеялся понравиться ларгам, хотя отец предостерегал меня, что этого делать не следует, но быстро понял, что меня не примут равным

себе. Я приходил в город, скрывая свое лицо под капюшонном куртки, сшитой мне отцом, общался с горожанами, но вынужден был уходить прочь, когда им хотелось поглядеть в мои глаза. Несколько раз я имел неосторожность и разоблачить себя, о чем в последствии долго жалел, но еще больше я пожалел о том, что начал совершать кражи, – начал Прохор.

– Зачем? Ведь ты вполне мог найти себе пропитание в лесу! – удивилась Флорентина.

– Да. Мне не на что было жаловаться, – продолжал циклоп, – Я хорошо кушал, не хуже, чем во дворце Рединфорта! Я собирал дикие яблоки, орехи, грибы и ягоды, выкапывал съедобные коренья, охотился на птиц, находил их яйца, иногда мне удавалось убить крупного зверя, тогда я запасался вяленным мясом. Все было хорошо, пока я не пресытился всем этим. Мне хотелось попробовать разные овощи, сладости, хлеб, рыбу и многое другое! Я начал воровать на рынке Гилбадна. Не каждый отважился за мной погнаться, ведь понятно было, что если я забегу в темный переулок, то просто сверну голову преследователю!

– Уверена, что ты ничего подобного не совершил бы.

– Кто знает. К счастью, мой отец был героем Угур-Агоша, и я перебарывал себя, чтобы не встать на темную дорожку. Сомневаюсь, что он гордится мной после того, что я воровал рыбу и хлеб. Теперь стыжусь себя особенно после того, как отсидел за это несколько лет в Гилбаднской тюрьме. Выйдя оттуда, я поклялся себе, что никогда больше не совершу по-

стыдный поступок, но я его совершил, выйдя к тебе из лесу, чем навлек на тебя беду. Вот бы мне сбежать в какой-нибудь тихий уголок на Этриусе, где я никому не помешаю! – вздохнув, закончил циклоп и потупил свой взор.

– Не вини себя. Все будет хорошо, я что-нибудь придумаю, не переживай за меня. Кстати, раз ты хочешь жить вдали ото всех, то тебе лучше всего отправиться на острова, – предложила ему Флорентина, – Почему ты не сделал этого раньше?

– Так я не знаю, где они находятся. Все, что я знал из рассказов отца об Этриусе, не сопоставимо по величию того, что я увидел в иллюминатор космического корабля, когда летал над планетой, – восхищенно признался циклоп.

– Да, твой отец не мог знать об островах. Их открыли совсем недавно, незадолго до того, как Сатир возвестил о всеобщем сборе на «Астерикс-1». Значит, ты тоже находился в борту космического корабля! Тебя пропустили без всяких расспросов?

– Конечно, Сатир же все знает о нас. Как только он увидел меня, то хлопнул по плечу, посоветовал беречь себя, пожелал удачи и предложил пройти по трапу на борт. В конце полета я преспокойно вернулся в свой лес, который после преобразований сохранился прежним.

– Ничего себе! Сатир даже обратился к тебе. Лишь немногие удостоились такой чести! – пришла в восторг Флорентина и решила составить карту Этриуса для циклопа из мха, ко-

торый рос возле поленницы. Она быстро надрала достаточное его количество и вернулась на свое место, начав выкладывать зеленую растительность на земле, словно сушу планеты, – Наш материк остался прежним! Посреди бескрайнего океана появились острова и еще один большой материк, но обитатели Этриуса только начали исследовать новые территории. Порты, из которых можно перемещаться по нашему миру на кораблях, есть в Яроводье, Болотном городе и на самом крупном из островов.

– Еще не все острова заселены? – уточнил Прохор, зрительно изучая и запоминая карту, которую создавала для него пастушка из кусочков мха.

– Да, мой милый огр! Поэтому тебе следует поспешить и найти свободный, – согласилась с ним Флорентина и заключительным этапом проделанной работы водрузила на заселенный материк маленький камушек, взятый из обрамления костра, предварительно подрисовав на нем углем глаз, – Вот. Здесь находишься ты. Путь на острова не близкий, понадобятся деньги на каюту корабля, так что хорошо подумай, хочешь ли ты покинуть лес Гилбадна, а завтра расскажешь мне о своем решении. А сейчас я прошу тебя проводить меня до опушки.

Пастушка и циклоп не стали тушить костер, но убрали с огня тушу, приставив ее к шалашу, и торопливо пошли в сторону Гилбадна. Уже вечерело, а Флорентине нужно было еще повидаться с Джорджио, рассказать ему, что произо-

шло или придумать что-то более реалистичное, и, конечно же, убедиться в том, что все стадо, за исключением одной овцы, вернулись на ферму.

Глава 11. Клубок мыслей

Проведший остаток дня в одиночестве в кабинете и опустошивший пару бутылок вина из своих запасов Антонио решил возвращаться домой. Он лениво скинул ноги со стола, и не соизволив убирать с него опустошенные результаты своей умственной и физической деятельности, в развалку направился к выходу из здания, попутно захлопнув дверь своего кабинета, не закрывая его на замок, чтобы заместитель мог беспрепятственно зайти и взять из стола или шкафа нужные ему документы.

Не обмолвившись ни с кем словом и даже не попрощавшись жестом, как он обычно это делал, владелец скотобойни вышел на улицу, посмотрел на клонящееся к лесу солнце, согласно кивнул сам себе и пошел в направлении городка. Только сейчас проявилось накопленное за день алкогольное опьянение и такое сильное нежелание куда-либо идти, что Антонио захотелось вернуть обратно в кабинет, но ему очень хотелось покушать, а потом поговорить со своей женой о внутрисемейных проблемах и наконец-то найти взаимопонимание, как ему это посоветовала ветеринар. Убедившись в том, что Лана не менее бессердечная девушка, чем Флорентина, он решил не менять шило на мыло. После долгих размышлений этого дня для Антонио было очевидным то, что судьба жестоко обошлась с ним приведя в его дом

несчастную сироту, с которой он обвенчался по глупости и теперь вынужден делить с ней ее проклятье. После того, как беспечный сын владельца скотобойни связал свое сердце с Флорентиной, он перечеркнул свою жизнь, лишив себя всех ее радостей. Ему не верилось, что такой красивый и обеспеченный парень, как он, может стать совсем несчастным ларгом, только потому что он ошибся в выборе жены. Откуда мог знать Антонио, что Флорентина так люто возненавидит его мать по каким-то необъяснимым причинам, что ей будет неприятен и ее сын. Она почему-то не хочет ни целовать своего мужа, ни готовить ему есть, ни стирать одежду, ни говорить с ним, но причины ее странного поведения необходимо выяснить уже давно. Антонио не раз уже пытался объяснить с ней, но Флорентина вела себя столь пренебрежительно по отношению к нему, что муж не выдерживал и терял тактичность, начиная выставлять требования, выдвигая обвинения и переходя на грубость. Бесспорно, он пытался наладить семейные отношения с женой находясь в алкогольном опьянении, либо испытывая его последствия, протрезвев, но Флорентина поступала действительно бессердечно по отношению к нему каждый раз в самом начале разговора, упрекая мужа в том, что он ее совершенно не любит и маловероятно, что когда-либо соизволит изменить сложившееся обстоятельство. Такие беспочвенные обвинения всегда обескураживали Антонио, наводя его на тревожные мысли о том, что его жена безумно красивая, но сумасшедшая.

Ловя себя на этой мысли владелец скотобойни не заметил, как оказался на крайней улице Гилбадна, преодолев половину пути до дома. Его размышления прервал молодой козел, с которым он столкнулся, и тот, неистово бляя, чуть не сбил его с ног. Антонио осмотрелся по сторонам и понял, что в городке происходит что-то странное. Несколько жителей Гилбадна гнали прутами по середине дороги в его сторону около дюжины овец, а какой-то крепкий мужик в фартуке мясника в след за ними вынес на руках голосящего барана, удерживая его за рог и сжимая его задние лапы, чтобы животное не брыкалось.

– Ну что рот раззявил, бездельник! Лови козла, да тащи его к Джорджио, – обратился к Антонио замыкающий шествие мужик и собирался пройти мимо.

– А что тут происходит? Где пастух? – спросил его владелец скотобойни.

– Что-что? Флорентина куда-то пропала, и фермер пошел искать ее, а нас попросил изловить разбежавшееся по городу стадо. Это последняя скотина, – ответил мужик и пнул козла под зад, чтобы тот послушно шел по дороге вместо того, чтобы обнюхивать руки прохожего, от которого интересно пахло.

– А куда она пропала? Когда? – недоумевал владелец скотобойни.

– Это надо спросить у ее мужа, – засмеялся мужик и пошел дальше.

– А муж то тут причем? – нахмурился Антонио.

– Кто его знает! Может задолжал кому-то и девчонку похитили. За Флорентину любой выкуп отдать не жалко будет, ежели денежки водятся! – отозвался мужик, неся барана и не желая останавливаться попусту.

Антонио задумчиво посмотрел ему вслед и почесал затылок. Нужно было поскорее прийти домой и проверить, не оставил ли ему кто-нибудь записку о выкупе за похищенную жену. Разволнованный муж решительно зашагал по улице. Воздержавшись от навязчивой идеи зайти по пути к своему другу Иннокентию, чтобы тот помог ему вернуть пропавшую жену, Антонио ворвался в свой дом готовый сразиться с врагом, но обнаружил преспокойно накрывающую на стол мать.

– Никто не приходил к нам? – возбужденно поинтересовался у нее Антонио, так что пожилая женщина даже вздрогнула от испуга.

– Кто? Ты же не решаешь свои дела дома, а твой друг Иннокентий последний раз приходил к нам тогда, когда еще жив был отец, – напомнила ему мать.

– Нет же! По поводу Флорентины никто не приходил? Письмо не приносили? – переспросил парень.

– Какое письмо, сынок? – испугалась пожилая женщина и снова вздрогнула.

– Мне сказали, что Флорентина пропала, а может быть ее даже похитили.

– Да пропади она пропадом твоя пастушка! Глаза бы мои

ее не видели.

– Как ты можешь так говорить, ведь она может быть в беде?

– В беде? Да твоя пастушка с голоду в младенчестве не подохла, да еще не в обычный дом пришла, а туда, где всегда есть мясо на столе. Она не только тебя с носом оставит, но и всю Ларгиндию. Вот увидишь! Скоро приведет к нам в дом какого-нибудь сопливого любовника, потребует расторжения семейных уз и часть совместно нажитых денег, – за-верила сына мать.

Антонио лишь покачал головой, махнул на нее рукой и пошел в свою комнату, где не обнаружил ничего подозрительного. Однако на столе стояла недопитая бутылка вина, привлекающая к себе внимание пьяного владельца скотобойни, который возможно в ближайшем будущем будет вынужден расстаться с большей частью нажитых денег, чтобы вернуть свою похищенную жену из плена или еще хуже – станет вдовцом, не сумев расплатиться с ее похитителями. Оба варианта не устраивали Антонио, так как несли в себе лишь убытки. С одной стороны, смерть Флорентины должна была бы привлечь внимание других женщин, переполненных состраданием к владельцу скотобойни, но ничего кроме возможности уткнуться носом к ним в плечо для Антонио не предвиделось бы, ведь ветеринар Лана или какая-нибудь няня-сиделка Маргарита расскажут всем свободным невестам в Гилбадне о том, что он является ненадежным мужем для них.

Иными словами, владелец скотобойни не сомневался в том, что проклятие Флорентины будет преследовать его и после ее смерти.

Придя к этой мысли Антонио схватил со стола бутылку, откупорил ее и сделал глоток содержимого из горлышка. От невыносимого ожидания неизвестности в голове у парня вся информация смешалась в какое-то подобие запутанного клубка, и он уже не знал, что думать и во что верить, ведь исчезновение Флорентины могло быть не только похищением, а безумной выходкой сумасшедшей пастушки, намеренной так привлечь к себе всеобщее внимание, или хитрым умыслом изменщицы, как предположила мать Антонио. Если события начнут развиваться по любому из этих двух сценариев, то планы обеспокоенного мужа по налаживанию отношений со своей спутницей жизни будут находиться под угрозой срыва. При первой же возможности обмолвиться с Флорентиной ему предстоит выяснить любит ли она его, иначе владельцу скотобойни просто не имеет смысла вносить за нее выкуп, когда объявятся похитители.

Глава 12. Тактичность

Пастушка и циклоп расстались на опушке леса, но он предупредил ее, что будет провожать ее взглядом до того момента, пока она не исчезнет из вида. Оказавшаяся на свободе девушка решительно зашагала по ковру из клевера в сторону Гилбадна. Казалось, что она счастлива и никогда больше уже не захочет вспоминать об этом ужасном знакомстве с Прохором, но преодолев широкое пастбище, Флорентина остановилась и обернулась. По ее лицу скользила милая улыбка. Неожиданно, она помахала рукой тому, кто, возможно, наблюдал за ней из-за листвы деревьев, и снова устремилась в путь, напевая что-то веселенькое себе под нос.

Поднимаясь на пригорок, Флорентина споткнулась, угодив ногой в старую заячью нору, и упала на выставленные вперед руки. Это оказалось удачей, так как девушка увидела кустик мяты, о полезных свойствах которой она знала с детства. Наверное, только мужу пастушки Антонио было неизвестно о том, что непродолжительное жевание растения способно легко избавлять от неприятного запаха изо рта. Сорвав несколько листиков мяты и сунув их в рот, пастушка двинулась дальше.

Легкой пробежкой спустившись с пригорка, Флорентина вышла на пыльную дорогу и увидела идущего к ней со стороны города Джорджио. Они быстро сблизились, и мужчина

душевно обнял пастушку и жестом предложил пойти рядом с ним в обратном для него направлении. Взгляд его требовал объяснений, но он молчал.

– Сегодня два волка напали на стадо, – неуверенно произнесла Флорентина, идя вровень с управляющим фермой, который мгновенно изменился в лице после ее слов и смахнул испарину со лба.

– Я рад, что ты жива, дочка, – ответил Джорджио.

– Все ли в порядке со скотом? – осторожно спросила девушка.

– Да, дитя мое, не переживай. Все овцы и козы уже в загонах и идет дойка. Они прибежали в город и разбрелись по улицам, но добрые горожане помогли мне их собрать в стадо и перегнать на ферму.

– Прости меня, но насколько мне известно, одну овцу или нескольких звери уволокли.

– Всего одну, но я уверен, что ты сделала все возможное, чтобы этого не случилось. Не переживай, такое иногда случается. Я рад, что ты жива и не ранена, дорогая.

– Со мной все в порядке, но я подвела тебя и нанесла ущерб ферме, – виновато призналась Флорентина.

– Могло быть и хуже. Это пустяки. Твой состоятельный муж без труда возместит его, – заверил ее Джорджио.

– Нет, нет! Я сама могу. У меня есть сбережения. Лучше не говорить ему!

– Не горячись. Я все ему объясню. Жизнь какой-то пар-

шивой овцы не идет ни в какое сравнение с жизнью горожанина. Никто не будет тебя ругать, не переживай, но на пастбище я тебя больше не пущу.

– Как это так?

– Пока охотники не расправятся с этими наглыми волками, ты на пастбище не вернешься. Тем более тебе нужно отдохнуть несколько дней, а то и больше, после такого тяжелого испытания! Я же все понимаю.

– Нет, Джорджио, я не хочу отдыхать! Я готова работать. Дома сидеть я не согласна. Не наказывай меня так, я больше не подведу тебя!

Управляющий фермой остановился и задержал девушку, чтобы обменяться взглядами.

– Не спорь со мной, дочка. Я не виню тебя ни в чем. Просто не геройствуй, если для этого у нас в городе есть мужчины. Завтра на пастбище пойдет кто-то из рабочих, а охотники займутся волками. Свои сбережения оставь для личных трат. У тебя есть муж, и именно он заплатит мне за задранную волками овцу, а не ты. Не хочешь сидеть дома, не сиди. Приходи, если хочешь, завтра к полудню, я найду тебе другую работу на ферме, но на пастбище ты больше не пойдешь! Не спорь со мной, а не то я найму пастуха для тебя, – строго сказал Флорентине Джорджио и потянул ее на рукав, чтобы снова продолжить путь.

– Как скажешь, – хмуро ответила девушка и пошла рядом с управляющим фермой, ускорившим шаг.

На развилке дороги они разошлись в разные стороны молча. Флорентина покорно побрела домой по крайней улице Гилбадна и в самом конце ее скрылась из виду между домов, а Джорджио устремился в направлении фермы.

Если бы он знал, что пастушка совершенно не хочет идти домой, где ее ожидает неприятный разговор с пьяным мужем, то он не стал бы откладывать встречу с Антонио и проводил бы девушку до дома, самолично объяснив бы ему, что произошло с его женой. Джорджио в меньшей степени волновали деньги, которые он намеревался взыскать с владельца скотобойни, нежели душевное спокойствие Флорентины, определенно потрясенной событиями, произошедшими с ней в этот злосчастный день. Лысоватый ларг очень переживал за девушку. Он не горел желанием изучать подробности ее противостояния с двумя волками, дабы не заставлять ее испытывать снова тот ужас, который она пережила, поэтому не стал задавать лишних вопросов и поспешил покинуть пастушку. Можно не сомневаться, что Флорентина осознает свою вину перед управляющим фермой и его присутствие действует на девушку угнетающе. Джорджио имел богатый жизненный опыт, хорошо разбирался в людях и знал, как легко можно поспориться с дорогим тебе человеком из-за неумышленной бестактности или недопонимания при разговоре в стрессовой ситуации. Пусть лучше Флорентина успокоится, а то, чего доброго, надумает себе чего-нибудь и обидится на лысоватого ларга, ведь она очень эмоци-

ональная и ранимая девушка с нелегкой судьбой.

Уже на полпути к ферме Джорджио вспомнилось, как девушка выразила недовольство тем, что управляющий фермой настоял на том, чтобы деньги за задранную волками овцу ему возместил именно муж Флорентины. Поначалу лысоватый ларг не придал значения словам пастушки, приняв их за беспокойство из-за перенесенного ей тяжелого испытания, но теперь он начал понимать, что отношения между Антонио и его женой складываются не так гладко, как может показаться со стороны. Впрочем, совать свой нос в чужие отношения Джорджио не собирался, несмотря на то, что Флорентину он любит, как дочь, но ему следовало бы хорошенько обдумать предстоящий разговор с владельцем скотобойни и завершить его таким образом, чтобы самому не остаться в накладе и не создать неприятностей для прелестной пастушки. Однако самым важным для Джорджио было не поссориться с Флорентиной и по возможности держаться поблизости до тех пор, пока он жив, а когда он умрет – дело уже за нотариусом Гилбадна, который будет обязан передать девушке, где бы она не находилась, свидетельство о праве на наследство, заверенное управляющим фермой и мэром города.

Глава 13. Семейная идиллия

Несмотря на то, что Флорентина никуда не сворачивала и ни на минуту не останавливалась, домой она явилась, когда уже совсем стемнело. Только уже на пороге девушка немного замешкалась, но быстро переборола обуявшие ее тревоги, открыла дверь и вошла в мрачный коридор. Незаметно проскочить мимо Антонио и его матери, ужинавших на кухне за столом, у нее не получилось. Флорентину заприметил муж, издав невнятный гортанный звук, по которому было затруднительно понять, приятно ли ему видеть свою жену или же он так выразил возмущение ее появлению в доме. В любом случае у девушки сомнений не возникло, что владелец скотобойни снова пребывает в алкогольном опьянении после тяжелого трудового дня. Флорентина намеревалась молча пройти в комнату и лечь спать, но Антонио окрикнул ее и порекомендовал присоединиться к вечерней трапезе, так как чуть позже со стола будет убрано. Сославшись на то, что не голодна и очень устала, жена отказалась от его предложения и удалилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.